

Даша
ЧЕРНИЧНАЯ

ИЗМЕНА

А не прощай меня

Даша Черничная

Измена. Не прощай меня

<https://litres.ru/74308842>

Аннотация

— Не успели мы обменяться кольцами и клятвами, как вместо нашей первой брачной ночи ты убежал к другой! — Если ты думаешь, что ради тебя я изменю свою привычную жизнь — ошибаешься, — безапелляционно заявляет муж. Едва отгремел марш Мендельсона, как он отправился к другой. Супруг даже не удосужился позаботиться о том, чтобы я ничего не узнала. Оставив меня в пентхаусе, он просто спустился четырьмя этажами ниже. К ней. При этом ясно дав мне понять, что я тут лишняя. Ненужная жена, с которой даже не хочется провести брачную ночь. Вот кто я.

Однотомник, хэ.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	45
Глава 10	50
Глава 11	54
Глава 12	60
Глава 13	65
Глава 14	71
Глава 15	76
Глава 16	80
Глава 17	86
Глава 18	91
Глава 19	97
Глава 20	103
Глава 21	109
Глава 22	115
Глава 23	122

Глава 24	128
Глава 25	134
Глава 26	141
Глава 27	147
Глава 28	152
Глава 29	160
Глава 30	165
Глава 31	171
Глава 32	173
Конец ознакомительного фрагмента.	175

Глава 1

Тая

Моя сестра.

Именно она является виновницей того, что я стою перед зеркалом в свадебном платье.

Это должна была быть она. Но никак не я.

Вита никогда не отличалась серьезностью. Она всегда была эгоистична, думала только о себе. Вот и сейчас — я примеряю платье, которое она должна была надеть на собственную свадьбу. Свадьба состоится через неделю.

— Уму непостижимо! — причитает мать. — Какой позор, какой позор! Вита, доченька, как же так ты могла поступить с нами! Хорошо, что Умаров согласился согласился на другую невесту.

Расшифровываю: это договорной брак, и господину Умарову насрать на невесту. Мне кажется, он даже не поймет, что тут произошло «Галя, у нас отмена!» Вернее, замена.

Вита сбежала ночью, пока все спали. Как ни в чем не бывало оставила записку, мол, поймите и простите, я птица вольная и играть по вашим правилам не могу.

Ну а я, получается, могу.

В общем-то, меня никто и не спрашивал. На меня просто надели платье Виты и сказали: будет твоим.

Теперь мама пытается его ушить, потому что я на два раз-

мера меньше Виты. У меня нет ее груди и бедер. В народе говорят: доска.

— Ох, Аллах! Оно смотрится на тебе как балахон! — мама едва не плачет. — Что скажет твой жених, Батыр, когда увидит тебя в нем? Посмешищем станем!

— Не расстраивайся, мам, — улыбаюсь матери ободряюще. — Скорее всего, он вообще на меня не собирается смотреть.

Мама причитает, но продолжает воевать с тканью, а я просто смотрю в окно на зеленые листья, которые колышутся с порывами ветра.

У русских есть поговорка, что те, кто женятся в мае, обречены всю жизнь маяться. Често? Мне плевать. Так — значит, так.

Едва ли не с пеленок я знала, что моя жизнь будет подчинена отцовскому бизнес-плану и не тешила себя иллюзиями. Не Умаров, так другой, просто чуть позже. Через пару лет или через пять.

Вита другая. Фантазерка. Певица, танцовщица. Отец не знает. Узнал бы — убил. Для всех она танцует танцы народов Кавказа. На самом деле — новомодный вог.

Наверное, именно поэтому я отношусь спокойно ко всему. — Это просто издевательство! — мама все-таки плачет. Вылезаю из этого сатинового ада и обнимаю маму. Одеваюсь, ухожу к себе.

Уже тут ловлю откат. Сажусь на кровать, поджигаю под

себя ноги, смотрю в окно. Мне страшно, да. Я просто не готова. Я практически ничего не знаю о Батыре Умарове. Только то, что он вдовец. Влиятельный, богатый. И жестокий.

— Я знал, что ты закроешься в башне, как принцесса, — Адам проезжает по комнате и подкатывается ко мне, берет мою руку в свою, сжимает. — Если бы я мог переубедить отца...

Роняет голову, и я спешу придвинуться к брату, глажу его по волосам:

— Не нужно никого переубеждать, я согласна на все, — улыбаюсь.

Адам с силой бьет ладонью по коляске.

— Я беспомощная амеба, а не брат.

— Перестань! Ты лучший!

А через неделю, за день до торжества, я получаю посылку на свое имя.

Огромных размеров белая коробка, перемотанная красным бантом.

Внутри белое платье. Ни записки, ничего.

— Это он. Умаров! — шепчет мама. — Надевай, Таюш!

Платье полностью закрытое, непышное, в пол, с длинными рукавами. Атласное, красиво расшитое. Безумно приятное к телу и идеально сидящее на моей фигуре.

— Ты как лебедь в нем! — у мамы появляются слезы на глазах.

Свадьба, хоть и традиционно европейская внешне, все-та-

ки скорее кавказская по духу. Меня ведет отец, я опускаю глаза в пол. Смотрю себе под ноги. Так принято.

Возле регистратора осмеливаюсь поднять взгляд, но из-за фаты плохо видно моего будущего мужа. Он высокий, широкий, темноволосый. На меня не смотрит.

Одергиваю себя, слушаю, что говорят, отвечаю, когда нужно.

После того как все формальности окончены, Батыр поворачивается ко мне и поднимает фату. Целует меня в лоб.

Не смотрит.

Он старше меня.

Мне двадцать, ему тридцать пять.

Моя сестра, очевидно, подошла бы ему больше.

Дальше вереницей — празднование, поздравления. Батыр не говорит мне ни слова. Ни единого слова.

После торжества он везет меня не домой, а в его шикарную гостиницу. Помогает выйти из машины, берет под руку.

Я немного нервничаю. Первая брачная ночь все-таки. У меня еще никогда не было мужчины, и мне страшно. Он проводит меня через холл, входит в лифт, поднимается на последний этаж, толкает дверь номера и обращается ко мне впервые за целый день:

— Проходи. Ложись спать.

— А... ты? — заставляю себя обратиться к нему на «ты», муж все-таки.

— А я... я не хочу сегодня возиться с девственницами,

жена, — давит на последнее слово, холодно усмехается и уходит.

Листаем дальше, там 2 глава)

Глава 2

Тая

Я дергаюсь, когда Батыр захлопывает дверь перед моим носом.

Не то чтобы я безумно желала близости с мужчиной прямо сейчас, но существуют правила. Шаркая ногами как старуха, иду в ванную. Смотрю на свое отражение.

Под глазами мешки — я плохо сплю в последние дни. Скулы торчат острыми углами, выражение лица такое, что обнять и плакать.

Принимаюсь снимать платье. Вдоль позвоночника идет ряд жемчужных пуговиц, которые я расстегиваю целую вечность. Наконец платье падает на пол, и я иду в воду. Быстро купаюсь, смываю тонну косметики гелем для душа. Плевать вообще.

Украдкой возвращаюсь в президентский люкс. Тут все кричаще богато, настолько помпезно, что аж сводит скулы. Открываю чемодан и роюсь в своих вещах, которые перевезли сюда утром.

Мама положила мне шелковую короткую сорочку и такой же халат. Истерично усмехаюсь и откладываю их в сторону.

Вместо сорочки достаю лосины и длинную футболку, надеваю не торопясь.

Только после этого я беру в руки телефон, на котором

мелькает непрочитанное сообщение с неизвестного номера.

«Думаешь, он полюбит тебя? Приходи и убедись сама в том, что ты не нужна ему». И номер комнаты.

Наверное, правильнее было бы стереть сообщение, заблокировать отправителя и пойти спать. Мало ли придурков?

Вместо этого я надеваю кроссовки и выхожу из номера. По лестнице спускаюсь на четыре этажа и нахожу нужную дверь.

Заношу кулак, чтобы постучать, и одергиваю себя. Вот это сейчас было бы вообще по-идиотски.

Нажимаю на ручку, и она поддается. Я, может, многого и не понимаю во всех этих женских играх, но тут меня явно ждали.

В темном помещении накурено, пахнет удушливо-сладкими женскими духами. Я медленно прохожу внутрь; ворс ковролина заглушает мои шаги.

На кровати двое. Словно сцена из самых пошлых фильмов. Я смотрела, да.

Мой новоиспеченный муж ставит перед собой раком женщину и берет ее. Та громко стонет, изгибается, подмахивает ему пятой точкой.

Батыр голый. Некстати подмечаю, что тело у него мощное, жилистое. Даже в полумраке видно, как мышцы перекачиваются.

То, что происходит, выглядит, я бы сказала, как жесткий секс. Тут нет нежности и ласки. Просто похоть — и не более

того.

Мой муж трахает другую женщину в нашу первую брачную ночь.

Он даже не удосужился позаботиться о скрытности, о том, чтобы я ничего не узнала. Он просто спустился на четыре этажа.

Я не знаю, почему мне больно.

По сути, мы же чужие люди, которые увидели друг друга впервые только сегодня. До этого дня мы даже не разговаривали. Мы не близки духовно. Но... черт... я ведь его жена.

Я готова исполнять свой супружеский долг на все сто процентов, что бы это ни значило. Я была готова полюбить его — этого мужчину, который на моих глазах трахает другую. Я бы обязательно пронесла эту любовь через всю жизнь. Распространила бы ее на наших детей.

Но едва отгремел марш Мендельсона, как он поехал к другой.

А она красивая. Большая грудь, которая колыхается в такт движениям.

Мне далеко до ее форм. До ее красоты и женской подачи. В этом море я бесхребетный малек, а она акула, которая знает, что нужно мужчине. Батыр шлепает ее по ягодице. Шлепок такой громкий, что у меня аж звенит в ушах.

Или это кровь шумит? Голова становится дурная, глаза наливаются кровью. Внутри расцветает кровавый цветок боли.

И теперь так будет всегда? Вот она, моя «счастливая» семейная жизнь?

Они же и не замечают меня. Мне кажется, если я пройду и сяду в кресло, они не увидят меня, настолько заняты друг другом.

Ну что мне остается?

С мокрыми от неожиданно бабьей боли щеками я ухожу с этого праздника похоти. Я тут лишняя. Ненужная жена, с которой даже не хочется провести брачную ночь. Вот кто я.

Просто серый квадрат штампа в паспорте.

Батыру нет дела до меня и моих чувств.

Поэтому я просто ухожу. Сначала из номера, тихо прикрыв дверь, потом из гостиницы. На улице достаточно прохладно, но мне плевать.

Хочется домой. К маме. К Адаму.

Но мне теперь туда путь заказан. Там мне больше не место, а тут я не нужна единственному человеку, в руках которого моя жизнь.

Визуал героев дальше)

Глава 3

Тая

Накатывает такая усталость будто мне лет сто, не меньше.

Вита-Вита, что ж ты мне устроила, сестренка? Теперь мне придется нести твою ношу. Вот такую. Стать нелюбимой женой, ненужной прослойкой.

Бреду по центральной улице, освещенной яркими огнями. В ночных барах сидят люди, веселятся. Пьют, курят. У них совершенно иная жизнь.

На меня не обращают внимания, благо мода сейчас странная, поэтому на мой спортивный стиль одежды никто не смотрит.

Сворачиваю за угол и сажусь на бордюр. Желудок сжимается. Я практически ничего не ела за сегодняшний день. Голова кружится. Не хватало еще свалиться где-нибудь.

Дышу полной грудью, пытаюсь выровнять дыхание.

Я бы позвонила брату или вызвала такси, но мой телефон остался в номере. С собой у меня нет ничего.

Люди проходят мимо, им нет никакого дела до девушки, сидящей на бетонной плите. Мало ли, может, пьяная. Или обдолбанная? Тут такие не в новинку.

Кое-как собираюсь и поднимаюсь на ноги, выхожу к освещенной набережной. Здесь тоже многолюдно. Сажусь на лавочку, прикрываю глаза.

Я не знаю, что мне делать. Куда идти? Что говорить?

Я просто понимаю, что ощущаю полнейшую безысходность.

Ночь постепенно сходит на нет, брезжит рассвет. Людей заметно убавляется.

Меня находят ближе к шести утра.

— Пойдемте, Таисия, — говорит мужчина.

Я покорно обхватываю себя руками, пытаюсь успокоиться и согреться, поднимаюсь, иду следом за ним.

Ко мне не прикасаются, это запрещено, но косые взгляды бросают. В машине меня неожиданно вырубает. Я просто стекаю по двери.

Просыпаюсь резко, оттого, что дверь открывается и я едва ли не выпадаю на улицу.

— Это как, блять, понимать?! — злится Батыр и подхватывает меня.

Бесцеремонно ставит на ноги, встряхивает.

— Что за цирк с конями ты устроила? — берет меня под локоть и ведет в отель.

Ноги заплетаются. Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое.

Батыр зашвыривает меня в номер, я снова спотыкаюсь, но удерживаюсь на ногах, хватаясь за стену.

— Что за выходки? — его глаза красные от злости. — Суток не прошло, а я, как конченный лох, бегаю по городу и ищу свою жену! Для вашей семейки это норма, да? Убегать?

Значит, он все-таки в курсе, что Вита сбежала. Отец выдал какой-то бред про то, что она серьезно заболела. Видимо, Батыр не поверил.

— Разве ты бегал?— спрашиваю тихо и сажусь на край кровати.

— Какого хера ты творишь? — подходит ближе, нависает надо мной.

Медленно поднимаю глаза и смотрю на своего мужа.

— Может быть, расскажешь мне, какого хрена ты делаешь, Батыр? — отец бы поседел, если бы услышал, как я разговариваю с мужем. Умаров тоже, мягко говоря, в шоке. — Не успели мы обменяться кольцами и клятвами, как ты убежал к другой! Вместо нашей первой брачной ночи ты отправился трахать другую женщину!

Я не подбираю слова, говорю то, что думаю. Как есть.

Вижу, как взгляд Батыра загорается: он недоволен тем, что я произношу такие вещи.

— Я смотрел камеры. Ты следила за мной! — едва ли не скалится.

— Мне незачем следить за тобой, — беру со столика телефон, который оставила в номере, и тыкаю Батыру экраном в лицо. — Твоя любовница сама пригласила меня в гости. Вот, смотри! Практикуете вуайеризм?

Умаров выхватывает у меня телефон, читает смс.

— Сука! — шипит он и переводит взгляд на меня. — Ты была там?

Улыбаюсь сквозь слезы, которые скатываются по щекам и падают на руки, безвольно лежащие на коленях.

— А ты как думаешь, Батыр? — спрашиваю шепотом.

Умаров запускает руку себе в волосы, оттягивает их.

Красивый он, сволочь. Какой-то дикой, мужской красотой.

Жаль, что оказался таким.

— Так, — чеканит он. — Ты ложишься спать. Днем едем к врачу.

— К... к какому врачу? — поднимаю брови.

Батыр кривит рот в некрасивой улыбке:

— Я же не знаю, где ты была всю ночь. Порченная жена мне не нужна.

Он разворачивается, а я поднимаюсь на ноги, которые еле меня держат.

— То есть я к врачу, а ты? К ней? Продолжишь ее трахать?

Умаров оборачивается:

— Это не твое дело.

— Я твоя жена! — визжу едва ли не истерично.

— Детка, если ты думаешь, что ради тебя я изменю свою привычную жизнь, — ошибаешься, — отвечает, будто издеваясь надо мной. — С Аней я разберусь, она больше не полезет к тебе.

Он уходит, а я хватаюсь за живот, который простреливает резкая боль, и сгибаюсь пополам, вою.

Меня — к врачу на проверку девственности. Любовнице — заткнуть рот.

Батыр хорошо устроился. Сколько нас таких дур, а?

Глава 4

Тая

Меня скручивает в бараний рог от боли. Сначала плетусь в ванную, потом валюсь на кровать, скукоживаясь от боли в комок. Подтягиваю к подбородку колени, закрываю глаза.

Боль не проходит. Обезболивающего нет.

Я в бреду, без сил даже дотянуться до телефона, чтобы позвонить хоть кому-нибудь.

Хотя кому я могу позвонить? Нет такого человека, кто бы примчался и спас меня. Пытаюсь держаться, изо всех сил крепиться, не думать о том, как мне плохо, но это сложно.

Зубы стучат, голова горячая, бросает то в жар, то в холод.

Я проваливаюсь в сон без сновидений. Не снится ничего. Лишь чернота.

— Просыпайся, — толкает меня муж в плечо.

Еле-еле разлепляю глаза, обвожу комнату мутным взглядом. Все двоится.

— Вставай, — жестко говорит Батыр, даже не глядя на меня.

Пытаюсь подняться. Получается плохо, ни руки, ни ноги не держат. Спускаю ноги, касаюсь ими холодного пола, ежусь. Меня трясет.

— Эй? — он упорно не называет меня по имени.

Может, не помнит?

Или не спрашивал.

— Тебе плохо?

Совершаю попытку встать на ноги, но безрезультатно — сметаю с тумбы ночник. Тот падает на пол и разлетается на куски.

Батыр реагирует быстро, подхватывает меня на руки, а я машинально кладу руку ему на плечо. Он из камня, что-ли, сделан?

— Да что с тобой? — заглядывает мне в лицо.

— Ничего необычного, — облизываю сухие губы. — Просто месячные. Если дашь мне таблетку болеутоляющего — буду благодарна.

«А нет, так оставь меня умирать, а сам катись отсюда к черту!» — хочу крикнуть ему, но осаживаю себя.

Я очень надеялась на то, что Батыр даст мне злосчастную таблетку и уйдет. Тогда я смогу спокойно прожить неприятные ощущения. В одиночестве, без этого тяжелого взгляда. Но, видимо, Батыр не настолько благодушен, потому что вместо таблетки он поднимает меня на руки и выносит из номера.

Спускаемся на лифте в подземный паркинг. Водитель открывает заднюю дверь, и Умаров сажает меня на сиденье, обходит машину и опускается рядом, говорит название самой известной в нашем городе сетевой клиники.

— Послушай, — произношу тихо, — я, конечно, помню, что ты говорил насчет осмотра. Но, как ты успел заметить, я

сейчас не в лучшем виде.

Батыр бросает на меня короткий взгляд, качает головой, будто я глупый ребенок, достает телефон и утыкается в него.

Отворачиваюсь к окну, бормоча под нос тихие ругательства, кладу голову на стекло и закрываю глаза. Мне становится хуже, тошнит.

Когда мы приезжаем, Батыр снова поднимает меня на руки и вносит в широкий холл. Идет уверенно, словно его ждут тут.

И нас правда встречает мужчина.

— Батыр Рашидович, рад приветствовать вас в нашей клинике. Прошу за мной, все организуем в лучшем виде.

Батыр несет меня на руках по коридору. Персонал оглядывается на нас, женщины бросают заинтересованные взгляды.

«Девчата, становитесь в очередь!» — хочется заорать им, но сил нет даже на яд.

В конце концов Батыр заносит меня в светлый кабинет, сажает на кушетку. Тут уже ждет гинеколог — женщина лет сорока.

— Добрый день, уважаемые мужчины. А теперь я попрошу вас выйти в коридор, мне необходимо осмотреть пациентку.

— Да-да, конечно! — главврач заговаривает зубы Батыру, и тот смотрит на меня еще раз.

Киваю ему: мол, давай, выходи. Я не отвечу ни на один

вопрос в твоём присутствии.

Стоит, баран.

— Я ничего не скажу при тебе. Выйди. Все, что врач посчитает нужным - скажет.

Батыра бесят мои слова, вижу. Задевает, но он молчит, не начинает прилюдный скандал. Он уходит, а врач начинает опрос. Ни о каком осмотре речи и быть не может. Мне дико плохо, да и смотреть особо нечего. Я девственница.

— Вот так, моя хорошая, приляг пока, а я позову медсестру, чтобы тебе поставили укол обезболивающего. В следующий раз не терпи, если только чувствуешь, что болит — сразу пей таблетку. А то знаешь, так себя и до потери сознания довести можно.

Кладу голову на жесткую подушку, которая отдает клеенкой и снова подтягиваю колени к груди.

Распахивается дверь, и входит муж.

— Ну что?

— Жива, как видишь. Только осмотра никакого не было, сам понимаешь.

Батыр будто не знает, куда себя деть. Садится на кресло для посетителей, смотрит на меня тяжело. А я не хочу говорить. Не хочу думать о собственном будущем, поэтому закрываю глаза и жду, когда придет моя спасительница.

Пока мне делают укол, доктор заверяет, что ничего критичного не случилось. Такое бывает у женщин, чего уж тут. Возможно, все изменится после родов.

При этих словах лицо Батыра становится более злым и от-
решенным.

Так. У нас какая-то проблемка с этим?

Укол помогает, и я поднимаюсь уже без помощи Батыра.
До гостиницы добираемся быстро, молча. В отеле прямиком
иду в душ, привожу себя в порядок, очень надеюсь, что, когда
выйду, моего мужа в номере не будет.

Но куда там.

Он сидит за своим рабочим местом, перед ноутбуком.
Хмурится, что-то печатает.

Тихо прохожу и забираюсь в кровать, накрываюсь одея-
лом.

— Я заказал ужин, должны принести с минуты на минуту.

— Спасибо, — я правда голодна. — А ты будешь сидеть
тут?

— Где мне быть, по-твоему? — интересуется, по-прежне-
му не глядя на меня.

— Ну... не знаю, — отряхиваю невидимые соринки с оде-
яла. — У любовницы, наверное, где же еще? Сколько их у
тебя, кстати? Знаешь, мне нужно понимать, к чему быть го-
товой. Может, сразу занести их имена в список контактов?
Я так понимаю, они будут периодически писать мне.

Я слышу, как скрипят его зубы. Тяжелый вдох.

А мне резко становится плевать на все.

Глава 5

Тая

Я чувствую себя мебелью.

Батыр практически не разговаривает со мной. Вот уже два дня как я предоставлена сама себе. Ему просто нет дела до меня. Он уходит рано утром, приходит поздно ночью, когда я сплю.

Мы женаты три дня, а у меня даже нет номера телефона моего мужа.

Сегодня в лобби будет фортепианный концерт классической музыки.

Я решаю, что раз мой муж может позволить себе вольную жизнь, то почему бы и мне не расслабиться?

Начинаю сборы едва ли не после обеда, потому что все равно слоняюсь без дела. Долго отмокаю в ванной комнате, потом скрабирую тело, делаю маски. Тщательно подготавливаю кожу, наношу легкий макияж. Волосы распускаю волной.

Вместо платья надеваю широкие брюки, топ. Сверху объемный пиджак.

В назначенный час беру сумочку и открываю дверь. В коридоре на кресле сидит мужчина. Увидев меня, он поднимается, наклоняет голову.

— Таисия Маратовна, добрый вечер. Я к вашим услугам.

— Вы кто? — поднимаю брови.

— Я Ахмад, ваш охранник, водитель. Как вам будет угодно.

— Мой... муж поставил вас?

— Да, — снова кланяется. — Батыр Рашидович приказал быть рядом с вами на случай, если вам понадобится куда-то поехать. Я к вашим услугам.

Класс.

А меня муж, очевидно, даже не собирался ставить в известность?

— Ахмад, я не собираюсь покидать территорию отеля, так что, полагаю, ваши услуги сегодня мне не понадобятся.

— Но вы же собрались куда-то, — мужчина теряется.

— Я спущусь в лобби.

— Господину это не понравится, — качает головой.

— Господина тут нет! Ему плевать, — веду себя как сука, знаю, и мне искренне жаль. — Так что, Ахмад, можете ехать домой.

Ухожу по длинному коридору, но мужчина не отстает. Спускаемся на лифте вместе. Я прохожу в лобби, он следом.

Сажусь за столик, заказываю себе чай. Народ потихоньку собирается. Ахмад стоит за колонной и с кем-то разговаривает по телефону.

С кем-то — это, конечно, с Батыром.

Я делаю вид, что мне плевать, и всячески пытаюсь себя в этом убедить. Начинается концерт, я расслабляюсь. Пью

чай, смотрю на то, как прекрасная девушка умело исполняет Моцарта.

Хороший вечер.

Впервые за последние дни я перестаю чувствовать себя униженной и оскорбленной. Никому не нужной. Я среди людей. Хотя в каком-то обществе.

— Превосходное исполнение, не находите? — молодой человек подходит сбоку и лучезарно улыбается.

— Да, согласна с вами, — говорю вежливо.

— Не против, если я присяду?

— Здесь места не именные, так что можете садиться куда угодно.

Стараюсь вести себя вежливо и никак не скомпрометировать себя. На мужчину не смотрю, хотя взгляд к нему так и тянется. Он симпатичный. Светлые волосы, загорелая кожа. Неместный, как мне кажется.

— Я думаю, что вы играете на фортепиано, — заигрывает со мной.

— Только если довольно неумело. Как вы поняли?

— Вы смотрите на пальцы, будто оцениваете технику исполнения.

Хочется закатить глаза. Любой нормальный человек будет смотреть на руки музыканта. И вообще неважно, умеет этот человек играть на музыкальном инструменте или нет.

Не продолжаю разговор, упорно делаю вид, что мне очень интересно смотреть на фортепиано.

— Дорогая. Спасибо, что подождала меня. Нам пора.

Дергаюсь от голоса, который гремит надо мной. Парень, сидящий рядом, тоже подбирается.

— Я никуда не тороплюсь и прекрасно провожу время, *дорогой*, — я знаю, что с Батыром так нельзя.

Надо мягче, умнее. Лаской там, женской хитростью. Но не могу ничего с собой поделаться, просто ковыряю рану. Батыр обхватывает меня за предплечье.

— Попрощайся со своим знакомым, — говорит обманчиво-мягко.

— Мы не знакомы, — оборачиваюсь, чтобы посмотреть на парня, но того и след простыл.

Батыр уводит меня. В лифте едем молча, но я чувствую приближение беды. Сейчас будет скандал, факт.

Охрана моего мужа остается в коридоре, а меня уже привычно заталкивают внутрь.

— Ты меня вывести из себя хочешь? — глаза Умарова наливаются кровью.

— Отчего же? — спокойно прохожу по номеру и останавливаюсь возле зеркала, поправляю помаду на губах. — Мне просто стало скучно. Должна же я чем-то заниматься, пока ты занимаешься другими бабами?

И пусть не врет мне. Ни за что не поверю, что эти дни он задерживался на работе.

— Ты, сучка маленькая, кем себя возомнила? Думаешь, будешь манипулировать мной? — надвигается на меня.

— Я возомнила себя твоей женой, Батыр, — говорю от-
решенно, и это его останавливает. — Тебя нет ни днем, ни
ночью. Я сижу тут как неприкаянная, как пудель, которого
забыли дома. Я ничего не знаю о тебе. У меня даже номера
телефона твоего нет. Но и это не главное.

Отхожу к окну и смотрю на город, в котором протекает
жизнь.

— Ты спишь с другими. Изменяешь мне. Думаешь, я не
понимаю, где ты задерживаешься допоздна? От тебя разит
женскими духами! Ты не сделал ни единой попытки сбли-
зиться со мной. Хоть немного меня узнать. Если тебе не нуж-
на была жена, зачем тогда женился на мне?

Резко разворачиваюсь и смотрю на своего мужа.

— Ты ждешь, что я буду отчитываться перед тобой?

— Так не может продолжаться, Батыр, — пытаюсь досту-
чаться до него.

— А знаешь, ты права! — выходит из себя и поднимает
меня на руки, бросает на кровать, нависает сверху.

— Ты что?! С ума сошел? Мне еще нельзя.

Батыр распахивает мой пиджак, разрывает атласную ткань
топа, лезет в брюки. Я взвизгиваю, пытаюсь вырваться.

— Перестань! Нет! Пожалуйста!

— Нехрен было мне плести про супружеский долг!

Даже и не думает останавливаться.

Глава 6

Тая

Он не прекращает попытки меня раздеть. Делает это со злостью, будто мстит.

Но совершенно точно не я виновница его злости или что бы это ни было.

Я бросаю бесполезные потуги сопротивления и беру в руки лицо Батыра. Он не ожидает этого, замирает. Я пользуюсь моментом и поднимаю его лицо.

— Остановись, — прошу тихо. Он он слышит, замирает.

Смотрит на меня так, будто видит впервые. Глаза в глаза. Я не отвожу взгляда — пусть смотрит.

Привет, это я. Твоя вторая жена. Меня зовут Таисия. Да, это со мной ты знаком четыре дня. Хотя по факту нас и не знакомил никто. Мне двадцать лет, и я была не готова настолько рано выйти замуж за такого взрослого мужчину, как ты. Несмотря ни на что, я честно пытаюсь тебя понять и подстроиться под тебя.

А еще мне страшно. Я одна, а ты будто не понимаешь этого.

Конечно, я не говорю ничего.

Батыр словно обессиливает за секунду, скатывается с меня и садится на кровать, опускает голову, взъерошивает волосы.

— Прости, — говорит хрипло. — Меня занесло. Сам не ожидал от себя. Увидел тебя с этим хлюпиком и ошалел.

Я тоже сажусь, поправляю топ, прикрываясь.

Какое-то время мы молчим.

— Скажи, что мне сделать, чтобы у нас наладись отношения, — произношу хрипло.

Я наивная, да. Но не настолько. Разорвать брак, едва женившись, мне никто не позволит. Значит, нужно попытаться найти иной выход.

Батыр поднимает взгляд, смотрит отстраненно.

— Дело не в тебе. Ты тут вообще ни при чем.

— Батыр, зачем ты женился на мне?

— Мой отец умер год назад. Я не знаю, в курсе ли ты, но они с твоим отцом были друзьями. Мой всегда мечтал породниться с вами. Такова была его последняя воля.

Я не спрашиваю, почему он делает то, что делает. Таков наш народ. Он чтит волю старших. Особенно мужчин. Это объясняет, почему ему было плевать, жениться на мне или на Вите.

Батыр отворачивается, а мне хочется толкнуть его в плечо и заставить смотреть на меня. Пусть привыкает.

— Ты учишься где-то? — спрашивает Умаров так, будто ему вообще насрать на меня и на то, чем я занимаюсь.

Что это? Слабая попытка пойти на сближение?

— Да, учусь на менеджера по рекламе. Сейчас у меня каникулы, я сдала все досрочно. Отец тебе не рассказывал?

— Я не спрашивал, — отвечает холодно.

У меня дергаются мышцы лица, и я провожу рукой по щекам, чтобы сбросить напряжение. Не хватало еще разреветься на глазах мужа.

Конечно, он не спрашивал.

Аллах, что я делаю тут? Я же лишняя в его жизни. Как пятое колесо в телеге.

— Почему ты живешь в гостинице? — спрашиваю тихо, предпринимая очередную попытку проникнуть глубже в его характер.

Двигаюсь в темноте, боясь наступить на осколок его прошлого.

— Я провожу в городе все время. Встречаюсь с партнерами. Это удобно. Тебе не нравится тут? — выгибает бровь. — Может, обидел кто? Посмотрел не так?

— Да нет, — стараюсь говорить мягко. — Просто это мало похоже на дом. Знаешь, постоянно чувство, что рано или поздно придет час, когда попросят уйти.

На самом деле, это касается не только гостиницы, но и нашего брака. Я не знаю почему, но меня терзают ощущения, что когда-нибудь Батыр просто выставит меня за дверь.

— У меня есть дом, но я там практически не бываю, — произносит неожиданно.

— Почему?

Он резко поднимается, запахивает на груди рубашку и бросает холодно:

— Это неважно.

Я тоже поднимаюсь следом, сжимаю на шее топ, чтобы прикрыть свою маленькую грудь.

— Это потому, что там ты жил с первой женой?

Ошибка. Фатальная, непростительная ошибка.

Батыр дергает головой, разворачивается. Делает шаг в мою сторону. Я распахиваю глаза и отшатываюсь, падаю обратно на кровать. Смотрю на мужа со смесью страха и непонимания. А он словно натывается на невидимую стену.

— Не смей, — говорит сквозь зубы. — Не смей никогда больше поднимать эту тему. Она для тебя закрыта.

Умаров хватает с дивана пиджак, со злостью сгребает со столика телефон и направляется к двери.

Я бегу следом за ним.

— Ты уходишь к ней? Да? К этой твоей, которую трахал в том номере? — у меня на глазах слезы, я не могу поверить, что наш диалог происходит на самом деле.

— Не жди меня, — произносит вместо ответа и прибавляет шаг, выходит в коридор, захлопывая дверь перед моим носом.

Зажмуриваюсь, закусываю до боли губу. Все не может быть вот так! Не может!

Лечу в спальню, достаю первую попавшуюся футболку, натягиваю ее поверх порванного топа, прямо босиком выбегаю в коридор и сразу же утыкаюсь носом в грудь Ахмеда.

— Таисия Маратовна, вам не стоит покидать номер, —

произносит он твердо.

— Я хочу поговорить со своим мужем!

— Батыр Рашидович сказал, что вернется завтра. Зайдите обратно, пожалуйста.

Воевать с этим амбалом бесполезно. Да и не он тут главная проблема.

А я что? Разворачиваюсь, иду в номер и сметаю со стола вазу, наверняка дорожную. Она рассыпается на мелкие осколки, как и моя душа.

Глава 7

Батыр

Увидев меня, Аня поднимается, спешит навстречу.

Походкой от бедра приближается вплотную, снимает с меня рубашку, ластится кошкой.

— Я скучала, Батыр, — мурлыкает.

— Когда успела? — усмехаюсь.

Аня — та, которая мне нужна сейчас. Она знает, что и как мне нужно. Умеет если не все, то многое. Вывозит меня со всеми моими фантазиями, часто даже сама инициирует нестандартный секс.

Моя молодая жена — совершенно иное. Чистая девочка, которая и не целовалась до меня ни разу. Ну куда она мне, прохаванному и прожженному?

Только лишняя головная боль. Но воля отца это святое, поэтому я делаю то, что он велел, еще когда был жив. Только я поставлю ее на стол, как хрустальную вазу.

Ане тридцать пять. Последний год у нас с ней все просто и прозрачно. Она мне дает все, что я пожелаю, я ей даю бабки.

Прозаичнее не бывает. Аня умна. Знает, что будущее со мной невозможно. Не отвечает, за одним маленьким исключением — той выходкой с СМС. Но я популярно объяснил Ане ее ошибку, так что она молча подчинилась мне.

— У меня для тебя сюрприз, — растягивает накачанные

губы в широкой улыбке и развязывает пояс халата.

Под ним черный комплект-сеточка. Сексуально и вызывающе.

В развилке ног гладкий лобок, сиськи стоят по стойке смирно.

Вроде все то же самое, что и раньше. Ничего нового. Аня встречала меня так уже неоднократно, но перед глазами моя молодая жена с испуганным выражением на лице и в порванной одежде.

Я, конечно, перегнул палку. Если это вообще можно назвать так. Что-то в голове переклинило, и мозг попросту перестал работать.

Хорошо, что вовремя остановился.

Аня толкает меня на кровать, и я ложусь на спину. Смотрю в потолок.

Пока она стягивает с себя халат, я снова думаю о жене. А ведь если присмотреться, она даже ничего. Сестра, конечно, эффектнее, видел я ее как-то на чьем-то дне рождения.

У моей молодой жены все иначе. Она худее, острее. Несмотря на это, она высокая, спину держит ровно, будто не боится быть замеченной.

Формы, конечно, не те, что у сестры или у той же Ани. Сиськи маленькие, на задницу бы тоже не помешало мяса накинуть.

Что в ней особенного — так это лицо в обрамлении густых выющихся волос. Глаза янтарные, колдовские какие-то.

А еще губы. Пухлые, яркие, как спелая вишня.

Не нравится ей в гостинице жить. Неуютно себя чувствует, видите ли. В некотором роде я ее понимаю. Она домашняя девочка.

Да, наверное, правильнее будет осесть в доме на окраине города. Тем более так будет лучше — мне не придется бегать за своей женой и оттаскивать от нее ухажеров.

— Останешься у меня сегодня? — подлизывается ко мне Аня.

Я периодически практиковал это. Иногда тупо лень было подниматься и уходить, но после женитьбы как-то не по себе оставаться тут, с любовницей.

Ненароком вспоминаю свою первую жену и то, как у нас все было с ней.

Мой первый и второй брак как небо и земля.

Мне было двадцать, и я полюбил Гулю, едва увидел.

А потом я ее украл. Все, как полагается у нашего народа. Ковер — и в мой дом. У Гули не было шанса отказаться от свадьбы, поэтому мы поженились. И практически сразу утонули друг в друге.

Я любил ее. Я дышал ею.

Мне жаль, но моя вторая жена никогда не узнает меня таким. И не только потому, что я не смогу испытать больше то самое чувство.

Я стал взрослее, забыл, что такое иллюзии, смех. Нормальная жизнь в принципе. Заматерел, стал бездушной ско-

тиной.

— Я пойду, Аня, — произношу уверенно, подхватываю Аню под задницу и скидываю с себя.

— В смысле? — нервно усмехается девушка.

Да, это впервые, когда я ухожу от нее без секса. Но что поделать, не то настроение. Не хочется. Да и слова моей жены о том, что я трахаюсь с другими, пока она ждет меня дома... неприятно режут слух.

Анна не останавливает меня, даже попытки не делает.

Вместо того чтобы пойти в свой номер, иду в кабинет, который находится на первом этаже гостиницы, в ее административной части.

Охрана, видя меня, поднимается, кивает мне.

В кабинете я сажусь за свое рабочее место и набираю домработницу.

— Татьяна, мне нужно, чтобы вы подготовили дом.

— Конечно, Батыр Рашидович. Будут особые указания?

— Освободите половину гардеробной в моей спальне. Я планирую привезти в дом жену.

Эти слова, произнесенные вслух, оседают на языке горечью.

Столько лет прошло после смерти Гули, а я до сих пор могу представить как она неодобрительно качает головой.

Ну прости, Гулечка. Мне надо как-то продолжать жить дальше.

Тебя нет со мной больше десяти лет, мне следует двигаться-

ся вперед. Даже если кажется, что сделать это невозможно.

Глава 8

Тая

— Собирайся, — командует Батыр.

— Куда? — медленно поднимаюсь с дивана.

— Мы переезжаем, — Батыр проходит мимо меня и заворачивает в гардеробную при спальне.

Быстро скидывает свою одежду в чемодан. Берет не все, по ощущениям, только то, что пригодится ему на первое время.

Пожимаю плечами и отправляюсь собирать свои вещи. К слову, я не особо их разбирала. Мне никто не говорил, что я могу это сделать, ну а я решила не нагнеть, поэтому мои сборы занимают буквально двадцать минут.

Батыр подхватывает наши чемоданы, выносит их из номера. Я молчаливо следую за ним.

Спускаемся в паркинг, где охранник открывает мне дверь автомобиля, и я сажусь на заднее сиденье. Батыр располагается рядом.

Как и положено чужим людям, мы молчим. Выезжаем из города, сворачиваем с трассы, оставляя шумную магистраль и город позади.

Автомобиль останавливается у высоких ворот, потом заезжает внутрь.

Показывается дом. Большой, двухэтажный. Территория

кажется бескрайней из-за того, что выходит на речку. Даже отсюда я вижу пирс и небольшой частный пляж.

Дом явно не новый. Все ухожено, красиво, но выглядит довольно безжизненно.

Я вылезаю из машины, навстречу нам с Батыром спешит мужчина в возрасте.

— Батыр Рашидович, как я рад вас видеть! — мужчина тепло, практически по-отечески, приветствует моего мужа, обнимает его.

— И я тебя, Мустафа. Как здоровье? — в голосе мужа тоже слышатся теплые нотки, взгляд смягчается.

— Как и полагает старику, — мужчина пожимает плечами.

— Какой же ты старик! — Батыр похлопывает его по плечу. — Еще вся жизнь впереди.

— А это, я полагаю, твоя молодая жена? — Мустафа смотрит на меня как на дорогую дочь, и я не могу сдержать улыбки, уж очень он приветлив.

— Здравствуйте.

Батыр оборачивается, смотрит на меня так, словно видит впервые и вообще забыл о том, что я была рядом с ним всю дорогу. Ну еще бы. Он все это время провисел в телефоне, решал какие-то рабочие вопросы.

Так и хочется съязвить, выдать какую-нибудь глупость в духе: «Привет, это я, твоя жена. Я существую, прикинь?» Но, как и полагается примерной жене, я просто смотрю на мужа

в ожидании того, что же будет дальше.

Он кивает и поворачивается к Мустафе:

— Мустафа, это Таисия, моя жена.

Вау. Значит, ты все-таки знаешь мое имя? Ну хоть буду знать, что намеки тебе не нужны и ты просто решил не использовать его и не сотрясать лишний раз воздух.

— Таисия, это Мустафа, управляющий. Можешь обращаться к нему по любому вопросу.

Класс. А к тебе можно обращаться напрямую, муж? Или общаться с тобой я тоже буду через Мустафу?

— Приятно познакомиться, — киваю мужчине.

— И мне. Я рад, что этот дом оживет.

Я не спрашиваю, почему этот дом сейчас «не живет». Это понятно и так. Когда-то тут была хозяйка, но ее больше нет. Вот уже больше десяти лет.

А теперь приехала я.

Имею ли я право менять тут что-то и делать так, как хочу я, а не как хотела когда-то предыдущая хозяйка?

Но вопрос этот я не задаю вслух, мне кажется, он может ранить моего мужа, а я не хочу обострения и так странных отношений между нами.

— Назира тоже тут живет? — спрашиваю я.

Сестру Батыра я видела лишь однажды, на свадьбе. Она быстро поздравила нас и сбежала, сославшись на то, что опаздывает на самолет. Так что с Назирой я, можно сказать, и не общалась.

— Вообще да, но сейчас она живет в Германии.

— Ясно.

— Пойдемте в дом, — предлагает Батыр. — Мне еще нужно познакомить тебя с Татьяной, она экономка и повар по совместительству.

— Понятно.

Татьяна оказывается женщиной около сорока лет, которая встречает меня уважительно, хоть и немного прохладно. Стараюсь игнорировать это — в конце концов, она и не обязана лебезить передо мной.

Батыр уходит с Мустафой, а я остаюсь с домработницей.

— Господин распорядился подготовить все необходимое. Пойдемте, я провожу вас в хозяйскую спальню.

— Благодарю.

Иду за женщиной, попутно рассматривая дом. Мне не очень нравится интерьер, он выглядит несовременным, я бы с удовольствием переделала тут все — но не сейчас. Сейчас это будет выглядеть с моей стороны как посягательство.

— Здесь ванная комната, я повесила дополнительное полотенце и халат. А вот дверь в гардеробную.

Прохожу внутрь.

Полочки со сложенной ровными рядами одеждой, коробки с обувью. Но даже несмотря на заполненные вещами полки, видно, что тут давно не жили. Нет никаких мелочей, ничего, что говорило бы о том, что это действительно дом.

— Обустраивайтесь, а я с вашего позволения спущусь на

кухню. Поставила запекаться мясо к вашему приезду, нужно проверить, как оно, — снова вежливая улыбка.

— Спасибо. Я пока разберу вещи.

— Как вам будет угодно, — слегка кланяется и уходит.

А я принимаюсь к разбору своих вещей. Места тут много, но я все равно решаюсь и переставляю кое-что, делаю зонирование. Слева его одежда, справа моя.

Я жена, в конце концов, неужели не имею права передвигать трупы собственного мужа?

Поднимаюсь на специальный стул и ставлю наверх коробки с обувью. Она упирается во что-то, и я, потянувшись, достаю большую шкатулку черного цвета.

Надо отставить ее в сторону. Вернуть в шкаф и найти новое место для своей обуви.

Надо, да. Но я сажусь на пол и открываю крышку.

Там, внутри, другая жизнь. И другой мужчина. Улыбающийся рядом с красавицей-женой. У обоих лучезарная улыбка, глаза светятся.

А у меня в груди щемит от понимания, что он никогда так не будет смотреть на меня. Почему? Потому что сложно стать лучше той, которая осталась идеальной в твоих воспоминаниях.

Она идеальная, да. Смотрит на Батыра со вселенской любовью.

А он... Он держит руки на большом животе своей женщины и наверняка мечтает о счастливом будущем, которому

не суждено случиться.

Глава 9

Тая

В этой шкатулке чужая жизнь.

Я чувствую себя преступницей, проникающей в святилище, но и остановиться не могу. Смотрю фотографии одну за одной, понимая совершенно поразительные вещи.

Батыр Умаров когда-то был другим человеком. В чертах лица — ни намек на жестокость. Сплошная любовь и свет.

Мне интересно — как звали его жену? Сколько ей было лет? А сколько могло бы быть сейчас? Что она чувствовала, когда жила с Батыром?

Но самое главное — это ребенок. Есть ли он? Если да, то где? А если нет, то... почему?

Сама не замечаю, как тихие слезы стекают по щекам. Одна слезинка капает на фото, портя его, и оно становится неровным, бугристым.

Спешу стереть ее, но делаю еще хуже.

— Прости, — шепчу едва слышно.

Не знаю — у кого я прошу прощения? У покойницы, которой наверняка плевать на это изображение, или у Батыра? Ведь если он сохранил его, значит, смотрит иногда. Или часто.

Невольно сравниваю себя с ней. Она не соперница мне, уже давно нет.

Или да?

Женщина с фотографии явно красивее. Черты лица мягче, более выразительные. Глаза практически черные, губы пухлые, волосы просто бесконечные, вьющиеся. На ней платье в пол с длинными рукавами. Настоящая мусульманская жена.

Фигура очень женственная, пышная грудь и бедра. Я в сравнении с ней доска доской.

Я честно пытаюсь уговорить себя прекратить, остановиться. Все это ни к чему хорошему не приведет, сделает лишь хуже.

Аккуратно складываю фотографии, убираю в шкатулку, закрываю ее и ставлю туда, где она и стояла — в гардероб. Свою коробку с обувью убираю вниз, от греха подальше.

Иду в ванную, умываюсь.

Надо забыть. Я ничего не видела.

Или видела, черт возьми?! Видела все своими глазами? И чужое счастье, и живот.

Оставляю вещи в чемодане, понимая, что мне нужен воздух и я не хочу находиться там, рядом с ней и чужим счастьем.

Спускаюсь на первый этаж, стараясь держать лицо. Внизу тихо, пусто. На кухне возится Татьяна. Увидев меня, она оборачивается.

— Накрыть вам ужин в гостиную?

— Да, пожалуйста, — киваю вежливо. — А Батыр...

— Господин уже уехал.

Зависаю, как старенький компьютер. Мне чудится, что Татьяна смеется надо мной, что в ее глазах неприязнь.

— Так что, Таисия Маратовна, накрывать?

— Накрывайте.

— Столовая там. Проходите, будет готово через пару минут.

И Татьяна делает все действительно быстро. Расставляет на столе посуду и приборы, раскладывает еду, наливает мне сок. Уходит, оставляя меня в одиночестве.

За этим столом поместилось бы с десятков гостей, но я сижу одна. Насмешка это или стечение обстоятельств, не знаю. И снова ощущение, что меня просто врезали в чужую жизнь.

Медленно ужинаю, хотя аппетита нет. Но надо что-то делать, куда-то идти. Вкус еды не чувствую, я как будто заморожена.

Тянусь к бокалу, но промазываю, и он опрокидывается, сок разливается. Бокал катится по столу, а я не делаю попыток как-то остановить его.

В конце концов бокал падает на пол, мелкие осколки разлетаются по всей комнате.

Татьяна залетает тут же.

Я поднимаюсь со своего места.

— Покажите, где здесь веник.

— Не переживайте, Таисия Маратовна, я все уберу, — холодно произносит Татьяна.

— Разве я просила вас об этом? Скажите, пожалуйста, где в этом доме веник, — говорю жестче, злее.

Но женщина не слышит — садится на пол, принимается собирать осколки.

— Это моя работа, я все соберу, — даже и не думает останавливаться.

— Татьяна, — злость теперь сочится в каждом моем слове и интонации, — кто в этом доме хозяйка? Я только что сказала вам, что сделаю все сама.

Женщина замирает. Аккуратно кладет осколки, которые успела собрать, на пол, поднимается, нервно улыбаясь.

— Пойдемте, я покажу вам, где лежат средства для уборки.

— Спасибо, — отвечаю после короткого вдоха. — Как только я закончу, я хочу, чтобы вы показали мне, что и где находится в этом доме. Где чья комната, гостиная и прочее

— Как вам будет угодно, Таисия Маратона, — ее голос подрагивает. — Только я не уверена, что Батыр Рашидович будет доволен...

— Я вроде как не пленница и не гостья тут, разве нет? Мне кажется, это нормально, когда хозяйка знает, что и где лежит в *ее* доме.

Делаю ударение на последние два слова, и женщина подбегает, выпрямляет спину.

— Я с радостью покажу вам все.

Ага. Вот прям с радостью.

Но плевать. Если мой путь будет вымощен камнями, значит, я пойду по нему, сцепив зубы. Но это моя новая жизнь и реальность, в которой мне придется бороться со всеми.

Глава 10

Тая

Вечером я выхожу из ванной и вскрикиваю.

— Напугал? Прости.

Батыр лежит на кровати. В руках телефон, сам он увлеченно что-то рассматривает в нем.

Я не ожидала увидеть мужа сегодня, но меня радует, что он будет ночевать дома, хотя в связи с этим я чувствую не только радость, но и тревогу, даже в некоторой степени страх. У меня еще никогда не было мужчины, и, само собой, я переживаю.

Батыр поднимает взгляд и задерживает его на мне. Я надела черную шелковую сорочку. Она короткая, длинные худые ноги открыты его взору. Интересно, нравится ему то, что он видит?

Как назло, перед глазами всплывают изображения его жены. Красивой, пышной, добротной.

Я не спешу ложиться, переминаюсь с ноги на ногу, а потом медленно подхожу к кровати, присаживаюсь с края.

— На завтрашний вечер к нам приглашены мои партнеры с женами, — говорит Батыр.

Оборачиваюсь, а муж поднимается и направляется в ванную, откуда я только что вышла.

— Скажи, сколько будет гостей?

— Четыре человека. Два моих партнера, каждый со своей женой.

— Позволь мне приготовить стол, — прошу его.

Батыр кладет пальцы на дверную ручку, но не опускает ее. Оборачивается и хмуро смотрит на меня.

— Зачем? Для этого есть Татьяна.

— Это первый мой официальный ужин, поэтому я бы хотела сделать все сама.

— Бред какой-то. Ты не обязана готовить на всю ораву.

— Шесть человек вместе с нами это не орава. Мне было бы очень приятно и для меня это важно, понимаешь?

Муж замирает, смотрит на меня неверяще.

— Не думаю, что это уместно. Ты хозяйка вечера, а не кухарка.

Не понимает.

Но для меня это в самом деле важно. Показать, что хозяйка тут я, именно таким способом, потому что я совершенно не чувствую себя ею. А так хотя бы с кухней познакомлюсь.

— Я люблю готовить, — произношу робко. — Пожалуйста.

Я правда обожаю готовить. Это передалось мне от мамы, она кудесница та еще! Многому научила меня, так что я совершенно точно получу удовольствие от готовки.

— Хорошо, если тебе так хочется, — Батыр скрывается за дверью, но перед тем, как закрыть ее, говорит: — Только если что-то пойдет не так, позови Татьяну. Мы не должны

ударить в грязь лицом.

Колет. Больно, да.

Ты еще ничего не сделал, а в тебя уже не верят. Наверняка предупредит Татьяну, чтобы та была наготове и в любой момент пришла на помощь. А может, тупо заранее закажут доставку из ресторана. Но это будет неуважение по отношению к гостям.

Интересно, его жена готовила? Если да, то переплону ли я ее?

Растираю лицо и трясую головой. Дьявол! Я так себя до клиники доведу. Ну сколько можно думать о том, чего нет?

Неважно, готовила она или нет. Неважно, какой хозяйкой была. Неважно, насколько она была красива. Ее больше нет. А я есть, и мне представилась возможность изменить ситуацию в свою пользу, потому что я решительно настроена исправить свой брак и сделать его нормальным, полноценным.

Приготовлю лучший в мире ужин. Такой, что все будут в восторге! Сойдут с ума от вкуса блюд и эстетики подачи. Я могу, да.

Обязательно завтра с самого утра надо позвонить маме и посоветоваться с ней. У меня есть идеи, но поддержка мне не помешает.

Пока я прокручиваю в голове эти мысли, из ванной выходит Батыр. Он вытерся не до конца, на его коже капли воды.

У него мощное тело. Мышцы бугрятся, вены вздуты. Живот подтянут, а ниже... ниже я стыдливо боюсь смотреть и

отворачиваюсь, заливаясь краской.

Забираюсь под одеяло. Сердце грохочет в груди от страха и предвкушения, мне кажется, даже Батыр слышит, как сильно оно бьется.

Муж проходит к своей половине кровати, гасит свет и забирается под одеяло.

Мне кажется, он вот-вот притянет меня к себе, подомнет под свое массивное тело, разденет...

Но Батыр произносит абсолютно равнодушное:

— Спокойной ночи.

Шелестит одеяло, он отворачивается от меня.

А я так и лежу, смотрю в потолок невидящим взглядом.

Что, даже попытки не сделает прикоснуться? Я ведь жена его. И я хочу близости.

— Спокойной, — говорю тихо.

Уснуть не получается, я даже не думаю о сне. Злость течет по венам вместо крови.

Не видишь во мне полноценную жену, да, Умаров? Не веришь в то, что я приготовить могу такой ужин, что все языки проглотят? Не видишь во мне женщину? Не притягательна я для тебя?

Это мы еще посмотрим.

Глава 11

Батыр

В моем доме женщина.

Не какая-то, с которой можно устроить быстрый перепих, а жена.

Официальная. Для людей и государства.

Что я чувствую при этом? Ощущения странные. Раньше в моем доме хозяйкой была Гуля. По хозяйству — Татьяна. А больше и никого. Так, иногда менялась прислуга, но подолгу особо никто не задерживался, не было нужды.

А теперь там живет моя молодая жена.

Спит рядом со мной.

Утром я обнаружил ее под собой. Она хрупкая, наверное, я не заметил, как подмял ее под себя. Правда, это не объясняет моей руки под ее сорочкой и члена, который упирался в маленькую попку.

Тая спала, а я не стал ее будить. Хрен знает почему. Секс между нами неизбежен, но что-то все же меня тормозит.

В ванной снимаю напряжение известным способом. Конечно, можно поехать к Ане — потрахаться. Но не хочется. Нет желания, не вставляет сама мысль.

На работу приезжаю не в отель, в а офис. Работа затягивает, хотя мыслями все равно возвращаюсь в утро. К нежной коже и худым ногам, которые как спички торчали из-под ко-

роткой ночной сорочки накануне.

Был порыв подойти к ней и нагнуть, знаю, Тая не оттолкнула бы. Но тоже тормознул себя. Странно это все.

В доме, где я был счастлив с Гулей, иметь другую женщину, пусть и новую жену.

Наша с Гулей спальня закрыта на замок. Комната пуста. Я не смог оставаться в ней. Всю мебель оттуда утилизировали, как и Гулины вещи, за исключением фото и каких-то памятных мелочей.

Есть еще одна закрытая комната, но про нее я даже вспоминать боюсь.

— Батыр Рашидович, к вам приехал Аркадий, — информирует секретарь.

— Проведи ко мне.

Поднимаюсь навстречу старому другу.

— Аркаша, какими судьбами?

— И тебе привет, друг, — он усмехается, распахивает руки, и мы обмениваемся рукопожатием. — Проезжал тут мимо, дай, думаю, загляну к старому знакомому.

Аркадий чуть младше меня, ему тридцать. Когда-то мы пересекались по работе, да так и сохранили дружеские связи.

— Прости, что не предупредил звонком. Знаю, так не делается, но идея заехать к тебе была спонтанной.

— Да брось, — отмахиваюсь. — Как поживаешь?

Общаемся с женщиной, пока я не вспоминаю, что пора бы выдвигаться домой, скоро должны собраться гости.

— Аркадий, как насчет того, чтобы поехать сейчас ко мне? Я пригласил парочку партнеров с семьями.

— С удовольствием! — Аркаша тут же поднимается. — Очень хочется познакомиться с женщиной, которая смогла растопить твоё черствое сердце.

Не делюсь с другом, не говорю о том, что наш брак основан не на любви. О какой любви может идти речь, когда я впервые увидел свою молодую супругу в день свадьбы?

Разговариваем с Аркадием по пути домой. Тем много. И личных, и деловых. Другу будет полезно пообщаться с партнерами, которые приглашены сегодня.

Дом встречает множеством аппетитных запахов. Тая или Татьяна?

Немного напрягаюсь. Не хочется ударить в грязь лицом перед уважаемыми людьми.

В коридоре появляется Татьяна.

— Добрый вечер.

— Добрый. Татьяна, где Таисия? — спрашиваю женщину.

— Хозяйка вот-вот должна спуститься.

— Хорошо. Принесите нам виски и ожидайте прибытия гостей.

— Конечно, — кивает и уходит.

Мы с Аркадием проходим в гостиную, где уже накрыт закусками и сервирован стол.

— Вау! — Аркаша округляет глаза. — А пахнет-то как! Умопомрачительно. Это я удачно к тебе в гости заглянул.

У друга реально загораются глаза. Да что так говорить, я сам едва держусь, чтобы не попробовать эти чудные закуски.

— Колись, ты нанял какого-то дорожущего иностранного повара? — толкает меня плечом Аркадий.

— Походу... да, — чешу затылок, потому что это точно делала не Татьяна.

— Дашь номерок?

— Сожалею, но я не работаю на заказ, — звучит бархатный голос за нашими спинами.

Мы с Аркадием резко оборачиваемся.

Я даже не сразу признаю в этой девушке свою жену.

На Тае синее шелковое платье в пол, которое ближе к ногам становится светлее. Она высокая, а шлейф делает образ каким-то нереальным. Рукава длинные, декольте точно маленький бунт мусульманкой девушки — не сильно глубокое, находящееся скорее на грани дозволенного.

Волосы распущены и лежат красивыми волнами. Макияж накидывает Тае парочку лет, но это ее совсем не портит.

— Так это вы все сами приготовили? — удивляется Аркадий, пялясь на мою жену.

И мне впервые хочется припечатать своего друга в стену. Нехер смотреть на чужих жен.

— Аркадий, это Таисия, моя жена. Тая, Это Аркадий.

— Добро пожаловать и приятно с вами познакомиться, — голос Таи ну чистый мед, а глазки в обрамлении пышных ресниц так ипорхают.

Настоящая феечка!

Хотя какая она нахер феечка? Ведьма!

Аркаша зависает взглядом на Тае так же, как и я.

— А мне как приятно познакомиться, — отвечает словно в трансе.

— Слюни подбери. Это моя жена, — стараюсь говорить спокойно, но неожиданная ревность выбивает из равновесия.

Аркаша быстро моргает, приходя в себя, отводит взгляд. А мне чудится в глазах Таи нечто ведьмовское. Огонь, которого я раньше не видел.

Не видел — может, потому что не смотрел?

— Таисия, неужели вы приготовили всю эту красоту собственноручно? — восхищается Аркадий.

— Да, — легкая улыбка и мягкость во взгляде. — На самом деле, это только выглядит сложно.

— Ни за что не поверю, что любая хозяйка сможет приготовить такие шедевры!

— Возможно. Все дело в практике.

Они долго будут заигрывать друг с другом передо мной?

— Тая, попроси Татьяну добавить приборы для Аркадия, — откровенно избавляюсь от жены.

— Конечно, — она уходит, оставляя после себя легкий флер духов и полнейшее мое охуевание от того, что я только что видел.

— Что ж, Батыр. Поздравляю с женитьбой. Тебе точно до-

сталась превосходная жена, — друг кладет руку мне на плечо и сжимает его.

Превосходная, да.

И, кажется, настало время познакомиться с ней.

Глава 12

Тая

— Я не хочу ехать этим летом в Ниццу! — Людмила поджимает губы.

Ее муж, тучный Олег Александрович, громко хмыкает:

— Отправлю тебя в Кольчугино!

Людмила в ужасе округляет глаза.

— Это очень жестоко!

— А что, поедешь в деревню, к матери, раз Ницца тебе как кость в горле.

Муж Людмилы явно забавляется, но женщине не до шуток.

— Нежелание ехать в Ниццу обосновано тем, что летом там страшно жарко. — Даже мне понятно, что она лишь придумывает отмазку.

Прячу улыбку за бокалом с соком.

— Да, конечно, милая, — отвечает Олег Александрович приторно-сладко. — Только вот мне кажется, ты просто зажралась.

— Я не поеду с детьми в Кольчугино!

— Нет, родная, ты что! Дети поедут в Ниццу. А ты в Кольчугино.

Сбегаю на кухню, иначе просто засмеюсь на всю столовую и опозорю тем самым своего мужа.

— А ты не хочешь в Кольчугино? — спрашивает Батыр.

Я оборачиваюсь и вживую наблюдаю уникальное зрелище: мой муж смеется.

— Тоже сбежала, потому что слушать этот разговор и не заржать невозможно?

Он подходит к холодильнику и достает стеклянную бутылку с минералкой.

— А знаешь, мне даже интересно стало, что там такого в этом Кольчугино, — смеюсь и подхожу к Батыру со стаканом, протягиваю его.

Он откручивает крышку на бутылке и с улыбкой на лице наливает мне воды.

— Хочешь, устрою тебе незабываемую поездку в новый город? — улыбка не сходит с его лица.

— Легко. Только если Людмила поедет без детей, я без тебя ни шагу не сделаю! — вздергиваю подбородок.

— И это отлично, — говорит Батыр.

Что-то ощутимо меняется в его взгляде. Веселье уходит, а радужки заливают чернотой.

— Ты очень красивая сегодня, — выдает муж, едва ли не облизывая меня взглядом. — И ужин приготовила потрясающий. Я приятно удивлен, ты умница.

Выпрямляю спину, выпячивая вперед грудь. Может, хоть так она будет казаться больше? Почему-то хочется выглядеть красивее, женственнее.

— Я с удовольствием приготовлю что-то специально для

тебя. Только скажи, что ты любишь? Какую кухню предпочитаешь? Я тебя совсем не знаю, — на последней фразе мой голос вздрагивает.

Батыр задумчиво смотрит на меня, но отвечать не спешит.

В этот момент входит вторая пара, разрушая теплоту этого момента.

— Хороши хозяйева! — смеется Руслан, притягивая к себе свою жену Юлию. — Сами сбежали, а мы там отдувайся за них!

— Что, вас тоже в Кольчугино отправляют?

— Такими темпами мы там окажемся раньше Люды! — смеется Юля.

Вообще мне понравились партнеры Батыра и их жены. Людмила и Юля, конечно, разные. Люда старше меня лет на пятнадцать, а Юля все-таки ближе к моему возрасту — ей двадцать пять, так что мы быстро нашли общий язык.

— Я только брускетты возьму, и можем идти, — играю роль хозяйки вечера.

— Ты такая жестокая, Тая! — восклицает Юля. — Я не могу перестать есть! Такими темпами ни в одно платье не влезу.

— Ты и так скоро ни в одно платье не влезешь, потому что на третьем месяце беременности!

— Это да, — Юля ласково улыбается мужу, кладет руку на небольшой живот.

Руслан целует жену, а я украдкой смотрю за реакцией му-

жа.

Батыр каменеет, из взгляда будто уходит жизнь, но он быстро берет себя в руки, бормочет какое-то оправдание и уходит.

Я виновато улыбаюсь ребятам и забираю поднос с брускеттами.

Вечер продолжается, атмосфера снова становится более расслабленной.

— А вы, ребят, когда поедете на моря? — спрашивает Аркадий у нас. — У вас же так и не было свадебного путешествия.

Я поспешно запихиваю в рот закуску, делая вид, что жую и ну вот никак не могу ответить. А что, пусть отдувается муж!

Батыр смотрит на меня:

— Что скажешь, Тая? Хочешь к морю?

Киваю с набитым ртом. Какая дура откажется от моря?

— Значит, в ближайшее время съездим, — констатирует он.

Вау. А что, так можно было? Вот так просто? Ну, то есть я вовсе не против, нет. Но разве у нас подобные вещи можно решить за минуту?!

Гости расходятся. Аркадий порывается поцеловать мне руку — его явно развезло от алкоголя, но Батыр беззлобно останавливает его и отправляет домой с водителем.

Я возвращаюсь в дом и принимаюсь убирать посуду, когда мои руки перехватывают.

— Пойдем наверх, — говорит Батыр тихо.

От его голоса мурашки по коже.

— Но нужно убрать... — вяло сопротивляюсь.

— Это сделает Татьяна.

Муж отбирает у меня тарелку и ставит ее на стол, а меня подхватывает на руки.

Глава 13

Тая

Едва мы заходит в спальню, Батыр разворачивает меня к себе спиной, тянет молнию вниз. Платье с тихим шорохом падает на пол, к ногам.

Под ним на мне чулки и красивое белье. Слукавлю, если скажу, что не готовилась.

Готовилась. Еще как.

Старалась с самого утра. Сначала готовила, как ужаленная летала по дому, стараясь не ударить в грязь лицом. Конечно, сделать такой стол стоило огромных усилий, и я выложились на все сто.

Я бы не сказала, что Татьяна была сильно полезной. Скорее стояла над душой. Но если я просила ее с чем-то помочь — помогала. Чистила или мыла. Я боялась, что она может испортить какое-нибудь блюдо, подкинуть соли или перца, пока я не вижу. Но никаких прецедентов не случилось, и я отвесила себе мысленный подзатыльник.

Даже если Татьяна меня и не жалует, но вредить, похоже, не намерена, а значит, у нас все еще может нормализоваться и есть шанс прийти к нейтралитету.

Батыр ведет шершавыми пальцами по позвоночнику от шеи к кромке трусиков. На мне белое белье. Я знаю, мужчины любят красное или черное, но мне захотелось надеть этот

цвет. Я думала напомнить ему о своей чистоте и о том, что отныне принадлежу ему.

Мне кажется, Батыру нравится то, что он видит, потому что его дыхание за моей спиной сбивается.

Он переводит руку и кладет ее мне на живот, прижимает к себе.

Я тут же чувствую его возбуждение.

Это немного пугает меня.

Другой рукой муж отводит мои волосы, перекидывая их на плечо, а сам касается губами шеи, оставляет на ней нежный поцелуй.

Низ живота сводит спазмом, хочется прикрыть глаза от новых ощущений. Они пока еще чужие для меня, но мне очень нравится все, что происходит.

Но для начала я бы хотела расставить все точки над i.

— Батыр, — шепчу его имя.

— Тая? — мое имя в его устах звучит странно и непривычно, особенно в такой тональности.

Решительно разворачиваюсь и смотрю ему прямо в глаза.

В спальне горит ночник, но его света достаточно, чтобы увидеть похоть в глазах мужа.

— Ты мой муж, — говорю уверенно.

— Да.

— А я твоя жена.

— Все так, — он не сдерживается и опускает голову, ведет губами по раковине уха, прикусывает мочку.

Дыхание перехватывает, хочется закатить глаза, но я должна сказать то, что думаю.

— Я хочу, чтобы между нами больше не было другой женщины, — выдаю ему.

Батыр замирает.

Я сама осекаюсь.

О ком я говорю? О той, другой, которая живет в гостинице? Или о женщине с фотографий? Потому что она ближе, чем любовница мужа, гораздо ближе. И я сейчас говорю не о том, что память о ней живет за стенкой, в черной коробке.

Память о ней живет под сердцем у Батыра.

Я не претендую на память. Но я бы хотела место и для себя.

— Я твоя жена, и я хочу, чтобы мы стали близки как муж и жена, полноценно. А это значит, что речи о предательстве больше не может быть. Я знаю, ты не просил этого брака и даже вступил в него не совсем добровольно, выполняя волю умершего отца, но пожалуйста... пожалуйста, Батыр, давай попробуем как у нормальных жен и мужей? Я только твоя, а ты только мой.

Батыр отстраняется и заглядывает мне в глаза, рассматривает выражение лица. Переваривает, впитывает.

— У меня больше нет другой женщины, — выдает наконец и говорит в открытую. — Я разорвал связь с Анной, тебе больше не о чем переживать. И ты права во всем.

Умаров не тот человек, который будет оскорблять себя

враньем, поэтому я безоговорочно верю ему.

— Я рада это слышать, — улыбаюсь немного нервно и нерешительно кладу руки на рубашку мужа.

Он кладет поверх моих рук свои, прижимает сильнее. Так, что я чувствую, как там, под широкой грудью, громко бьется его сердце.

Принимаюсь расстегивать пуговицы на рубашке, Батыр помогает мне. Когда рубашка отправляется к моему платью, муж снова перехватывает мои руки и снова кладет их себе на грудь.

Неужели понравилось?

Послушно глажу его тело, делаю шаг вперед, встаю на носочки, дотягиваюсь до его губ и целую.

Сначала он отвечает нежно, будто подступает ко мне. Но с каждой минутой градус нарастает, и поцелуй меняется, становится более чувственным. Я понимаю, что Батыр возбужден, и сама кайфую оттого, что именно я причина его желания.

Он подхватывает меня на руки и уносит на кровать, кладет на подушки. Стягивает сначала чулки, потом лифчик с трусиками. Раздевается сам — быстро, буквально за несколько секунд, потом нависает сверху.

Батыр принимается меня целовать: скулы, шею, маленькую грудь. Гоню от себя мысли о его первой жене с женственной фигурой. Сегодня моя ночь. Да и Батыру вроде как нет до этого никакого дела, он трогает меня, ласкает, прикусы-

вает кожу так, что я забываю обо всем.

Опускает руку, пропускает пальцы между ног. Рефлекторно сдвигаю их.

— Расслабься, — мурлычет мне на ухо. — Пусти меня, я не хочу, чтобы тебе было больно.

Слушаюсь его, делаю что велит. Ласка, как мне кажется, длится долго, я понимаю, что муж готовит меня. А потом он тянется к тумбочке и достает упаковку с презервативами.

Я очень хочу запротестовать. Эй, я твоя жена! И если я забеременею, то буду только рада этому. Но не решаюсь возразить и испортить первый раз.

Батыр делает все очень аккуратно, видно, как он старается, чтобы мне не было больно. Но, к сожалению, физиология устроена так, что первый раз ну никак не может быть безболезненным.

Вся зажимаюсь, всхлипываю. От боли текут слезы.

Он нежничает, шепчет ласковые слова, целует меня в закрытые глаза.

— Ну не надо, ш-ш-ш, все хорошо. Ты умничка.

Когда все заканчивается, скатывается с меня и ложится рядом, притягивает к себе.

— Ты как? — спрашивает со сбитым дыханием.

— Превосходно, — улыбаюсь.

Мне больно, но я не лукавлю. Все правда хорошо.

— Прости, что не получилось доставить тебе удовольствие. Обещаю, в следующий раз реабилитируюсь.

Да, что-то, но об оргазме речи не шло. Однако и врать я не собираюсь.

— Буду очень ждать, — стараюсь кокетничать, но это сложно, когда кажется, что тебя вывернули наизнанку. — Я схожу в душ.

Поднимаюсь и убегаю в ванную, встаю под теплые капли, быстро моюсь. Когда возвращаюсь, на тумбочке с моей стороны стоит стакан с водой и рядом красная таблетка.

Вопросительно поднимаю взгляд на Батыра.

— Это обезболивающее, выпей.

Он проходит мимо меня, оставляя поцелуй на виске.

Жмюрюсь. Довольная и сытая. Пью таблетку, сама перестилаю простыни, зарываюсь в одеяло. Муж выходит из ванной и ложится рядом со мной, притягивает к себе.

Засыпаю с улыбкой на лице.

Вот теперь-то все точно будет идеально!

Глава 14

Тая

— Чем займешься сегодня? — неожиданно спрашивает Батыр.

В груди аж теплеет оттого, что он проявляет ко мне интерес. Прошла неделя с тех пор, как мы переступили черту и сделали наш брак настоящим.

Все это время мы оба стараемся. Батыр приходит домой раньше, мы разговариваем, смеемся, налаживаем нашу связь.

— Я бы хотела съездить к родителям. Ты не против?

Батыр поднимает брови, удивляясь:

— Почему я должен быть против?

— Ну... — мнусь, — мало ли.

— Поезжай, конечно. Только не сама. Я приставил к тебе Ахмада, он будет тебя возить куда скажешь, — муж ставит на стол чашку с недопитым кофе.

— Спасибо, — пододвигаюсь ближе и целую его в колючий подбородок.

Поцелуй выходит робкий, но Батыр неожиданно перехватывает меня и углубляет поцелуй. Резко. Остро.

— М-м-м, — стону ему в губы, не контролируя себя.

Он отстраняется и смотрит на меня немного поплывшим взглядом:

— Не сдержался.

— И не нужно, — улыбаюсь как пьяная.

Батыр допивает кофе и предлагает:

— Может, позвать твоих родителей на ужин? Пусть приезжают с Адамом.

Хмурюсь, настроение портится.

— Адам не приедет.

— Почему?

— Он не любит показывать свои слабости перед другими и выезжает из дома только по острой необходимости. В гости, к сожалению, откажется приехать.

— Понимаю его, — неожиданно говорит Батыр. — Что ж, тогда передавай привет родным. В нашем доме они всегда желанные гости.

Целует меня в макушку, прощается и уходит.

Я быстро убираю со стола, хотя подоспевшая Татьяна хотела сделать все сама.

— Таисия, вы не обязаны. Для этого есть я, — ощущение такое, будто она обижается, что я забираю у нее работу. — Предыдущая госпожа никогда не опускалась до такого.

Чашка съезжает с блюда и падает на стол, не разбивается, но остатки кофе разливаются некрасивой черной лужей.

Она специально это делает, да? Тыкает меня носом, как глупого котенка в дерьмо.

— Предыдущей госпожи тут нет, — мой голос звучит неожиданно холодно.

Ну а что?! Достала меня. Ощущение такое, что я каждый день сдаю экзамен. Непонятно только, почему своей домработнице. Но то, что я не могу расслабиться в собственном доме и все время жду подвоха или подкола — ненормально.

— Так что, полагаю, я, как хозяйка дома, могу делать что хочу, где хочу и когда хочу. И если я хочу убрать со стола после завтрака с собственным мужем, я точно не буду спрашивать вашего мнения, Татьяна.

Я грублю. Хамлю, да. Но и она переходит границы, так что пусть выкусит!

— Простите, я не то имела в виду, — в ее голосе нет ни намека на раскаяние.

Ага, конечно, не хотела.

Заканчиваю уборку, никак не комментируя ее извинения. Татьяна все это время тоже находится на кухне — моет плитку, кофемашину.

— Что вы хотите, чтобы я приготовила на обед? — спрашивает неуверенно.

— Ничего не нужно готовить, мы с Батыром Рашидовичем сегодня не будем обедать дома.

Кивает вежливо.

— Будут какие-то указания?

— Да, приберите в гостевой комнате справа от лестницы.

Женщина бледнеет, пугается не на шутку. Глаза округляются, губы дрожат.

— Н-но, Таисия Маратовна, прошу прощения, это невоз-

можно.

— Почему? — хмурюсь.

Что такого в этой комнате? Мне давно это интересно. Я не заходила туда, потому что дверь была заперта, а ключа я не нашла.

— Это вам лучше спросить у господина. У меня нет ключа, Таисия Маратовна.

В глазах вина и что-то еще. Понять не могу. Боль? Страх?

— Кто жил в этой комнате? — спрашиваю решительно.

— Никто, госпожа.

Вроде не врет.

— И что, там никто не убирает?

— Никто. Простите меня, но я правда больше ничего вам сказать не могу. Если не будет дальнейших указаний, я пойду в кладовую, давно хотела навести там порядок.

Татьяна спешно отворачивается, а я ухожу. Прохожу мимо этой комнаты, замираю около нее.

С виду дверь такая же, как и остальные в доме. Берусь за ручку, тяну вниз. Как и было ожидаемо — закрыто.

Интересно, что там? Спальня предыдущей хозяйки? Красная комната боли? Батыр не похож на садиста, да и я никогда не видела его выходящим оттуда.

Наклоняюсь и заглядываю внутрь, смотрю через замочную скважину, но вижу лишь черноту.

Ухожу к себе, переодеваюсь, готовясь поехать к родителям, но чем больше думаю о комнате, тем более бредовые

идеи возникают в голове. Одна хуже другой.

Когда выхожу из дома, оборачиваюсь. Надеваю очки и высчитываю окно, которое должно выходить из этой комнаты, и нахожу его.

Что там — непонятно, так как комната находится на втором этаже. Стекло занавешено плотными ночными шторами, наверное поэтому я ничего не увидела, когда смотрела через скважину.

Сажусь в машину с водителем и в последний раз бросаю взгляд на окна.

Не покидает ощущение, будто бы я должна узнать, что там внутри.

Глава 15

Тая

— Правда. Все хорошо.

— Не верю я тебе, — Адам буравит меня взглядом с хмурым выражением на лице. — Я вижу, ведь что-то не так.

У нас с братом близкие отношения.

После аварии, изменившей его жизнь, мы с Адамом стали проводить много времени вместе. Я ездила с ним на реабилитацию, постоянно поддерживала, делала все, чтобы он не скатился в депрессию.

Болезнь стерла легкость. Адам больше не весельчак, не эпицентр любой тусовки. Он молодой мужчина, у которого вся жизнь была впереди.

Роковая ошибка — и планы перечеркнуты красной линией.

Нам сказали, есть шанс на восстановление, поэтому Адам активно работает над собой. Делает что предписывают врачи и даже больше, не унывает, не опускает рук, но... увы, не все подвластно человеку.

Мы сидим с ним на террасе. Я не застала маму, она уехала до моего приезда, и я решила подождать ее и поболтать со старшим братом.

— Адам, у меня все хорошо, правда. Не идеально, да. Но покажи мне человека, у которого все идеально.

— Он не обижает тебя? — не знаю почему, но Адаму сложно адекватно относиться к моему мужу, он даже имя его произносит сквозь зубы.

— Батыр добр ко мне. Поначалу было... сложно, — подбираю слова. — Потом мы поговорили, и все изменилось.

— Но что-то не так? — все-таки подводит к этому.

— Есть один момент... Скажи, ты что-нибудь слышал о жене Батыра?

Адам даже теряется от моего вопроса.

— О жене? Она ведь умерла! — восклицает громче чем нужно и тут же осаживает себя.

— Умерла, да, но я нигде не могу найти информации об этом. Даже имени ее не знаю. А муж... сам понимаешь, я не могу пойти к нему с вопросами о первой жене.

Адам потирает подбородок, искоса поглядывая на меня.

— Зачем ты вообще туда полезла? Ну умерла и умерла. Пусть покойся с миром. Покойница тебе не соперница.

— Сложно сказать, Адам. Кое-что беспокоит меня.

— Понимаю. Когда скрывают правду, значит...

— Есть что-то, о чем не стоит говорить.

— Думаешь, он Синяя Борода?

— Аллах! Адам, ты что себе надумал?! Конечно же, Батыр не Синяя Борода. Просто хочу узнать хотя бы, от чего она умерла. В чем причина?

— Я совсем не помню ее, — отвечает Адам после раздумий.

— Ты видел ее?

Адам старше меня, он должен помнить то время, когда Батыр был женат.

— Понимаешь, в чем дело, — задумчиво трет бороду, — тогда Батыр не особо участвовал в делах своего отца, не очень активно светился в нашем кругу. Но я помню, его отец упомянул о том, что сын счастлив в браке, что невестка замечательная.

— А о ребенке что-то говорил?

— О каком ребенке? — Адам округляет глаза.

— Я фото нашла...

— Нет, о ребенке ничего. Помню только, как сказали, что жена Умарова-младшего умерла. Что, как — непонятно.

Замолкаем. Я буравлю Адама взглядом.

— Сможешь узнать?

— Тая! — рявкает на меня.

— Адам! Пойми же меня!

— Да понимаю я, — вздыхает. — Ладно, попробую что-нибудь узнать, но ничего не обещаю.

— И про ребенка попробуй. Вдруг на Батыра записан ребенок? — сглатываю. — Или был записан.

— Хорошо, Тай. Я попробую узнать. Но сама понимаешь — часто у людей вроде Умарова защита личной жизни похлеще банковской защиты.

— Понимаю и не требую ничего. Даже если ничего серьезного узнать не получится, все равно спасибо.

Адам слабо улыбается. Жизнь, в которой он прикован к инвалидной коляске, открыла брату новые горизонты. Он связался с какими-то ребятами и промышляет хакерством. Никто не знает — ни мать, ни отец. Если мне кто-то может помочь, то это только Адам.

— Как Вита? Слышно что-нибудь? — спрашиваю брата.

— Звонила мне, — отмахивается Адам. — Что с ней будет, Тай? Все прекрасно у нее. Уехала в Грецию, отдыхает там. Мужика нашла какого-то. Развлекается. Срать она хотела на то, в какое положение нашу семью поставила.

— Не злись на нее, — улыбаясь мягко. — Знаешь, я даже в какой-то степени рада.

— Тая, ты, как никто, заслуживаешь счастья. Если я и дальше буду видеть этот свет в твоих глазах, то я смогу наконец выдохнуть и перестать переживать за тебя.

— Я уже счастлива, Адам. Так что перестать цепляться к Батыру.

— Это сложно, — говорит честно. — Ведь он мог отказаться от изначальных средневековых договоренностей, и отец бы отдал тебя за того, кого ты полюбишь.

— Хорошо, что не отказался, — произношу тихо и улыбаюсь брату.

Глава 16

Батыр

Таисия задерживается, уже отчиталась мне по телефону. И хотя я не просил ее об этом, радует, что она поступает именно так.

Не то чтобы я не доверял ей. И ежу понятно — девочка домашняя, воспитана правильно, в хорошей семье, где привили все нужные качества.

— Господин, подавать ужин? — в гостиную заходит Татьяна.

— Нет, я дождусь Таисию, и мы поужинаем вместе. На сегодня ты свободна, мы справимся сами.

Домработница кивает, но не уходит, переминается с ноги на ногу.

— Что-то не так?

— Батыр Рашидович, наверное, ничего такого, но я не могу не сказать.

Та-а-ак, блять. Это еще что за новости?

— Госпожа... Таисия Маратовна сегодня интересовалась закрытой комнатой. Я сказала ей спросить у вас.

— Хорошо, — злюсь, и это слышно по голосу. — Свободна.

Женщина кивает и уходит, а я медитирую на камин.

Внутри у меня борьба света и тьмы.

Ну спросила она — и что? Было бы странно, если бы не спросила. Это ее дом, теперь она тут хозяйка, конечно, хочет знать, что находится в каждой комнате. Это нормальное человеческое желание. Вообще удивительно, что вопрос у нее возник только сейчас.

Темная же сторона в гневе. Куда она лезет? Это не ее! Это наше. Наше с Гулей. Таисия не имеет права спрашивать и лезть туда, где ей не место.

Не сдержавшись, что часто бывает, когда я вспоминаю прошлое, подхожу к бару и наливаю себе вискарь. Раньше, когда отец был жив, я не бухал особо. Даже когда Гуля ушла от меня, не бухал. А потом, видимо, перестал вывозить — выпивал периодически, но так, чтобы отец не видел. Он бы меня осудил.

Но сейчас больше некому осуждать, так что я пью.

А потом поднимаюсь в спальню, где мы живем с Таей, лезу на антресоли гардероба, нахожу шкатулку. Внутри лежит ключ, который я забираю, и иду открывать дверь единственной закрытой на замок комнаты.

Пылища тут слоями.

Сколько я сюда не заходил? Пару лет так точно. Даже при включенном свете интерьер выглядит мрачно. Но по-другому и быть не может.

Порог комнаты не переступаю, просто смотрю из коридора.

Надолго меня не хватает, потому что в горле больно спи-

рает. Выключаю свет, закрываю дверь на ключ, уношу его на место.

Не боюсь, что Тая найдет его. Коробка закрыта моими вещами, и она не станет тут лазить. По крайней мере, я надеюсь на это.

Спускаюсь на первый этаж. Как раз в этот момент открывается входная дверь и входит Тая.

— Привет, — улыбается искренне, тянется ко мне.

Пока еще неловко, но с каждым разом неловкость смазывается, притираемся, в общем.

— Как прошел твой день? — спрашиваю у нее.

Подсознательно жду, что начнет расспрашивать, но Тая рассказывает о том, как ездила к родителям, передает приветы от семьи.

— Пойдем ужинать, — тяну ее за руку.

Ладошка у нее маленькая и теплая. В какой-то степени это даже успокаивает меня. Ни к чему злиться. Не сделала моя молодая жена ничего плохого. А интерес ее вполне себе объясним.

Решаю взять все в свои руки. Достаю блюдо с мясом из духовки, раскладываю по тарелкам, расставляю их.

— Спасибо, — Тая светится от счастья. — А твой день как прошел?

— Работал, — пожимаю плечами и неожиданно вываливаю ей: — Налаживал связи с новым партнером. Он нездешний, что мне как раз на руку, расширю бизнес.

— Откуда твой партнер?

Рассказываю как на духу, язык расплетается, хотя это непохоже на меня. Но Тая мгновенно подхватывает разговор, задает правильные вопросы, даже выводы делает какие-то. Умная девочка. Гордость берет за жену.

Уверен, лет через десять такими темпами она смело может бизнес-леди стать.

— Булат должен приехать со своими парнями через несколько недель. Надо бы закрепить документально наши договоренности.

— Он будет с супругой? Остановятся у нас?

— Нет, он один. Расположится в гостинице. В доме я чу-
жака не потерплю.

Неожиданно для самого себя перехожу на рык. Как представлю картину, что рядом с моей женой будет другой мужик, аж перед глазами чернеет.

Тая словно радар все впитывает и ведет себя так, как надо, не провоцирует:

— Да, конечно. Как скажешь, Батыр, — улыбается.

— Тая, завтра мы улетаем, — выдаю ей то, что хотел сказать с самого начала, но вопрос Татьяны выбил меня из колеи.

— Куда? — спрашивает спокойно и подносит вилку ко рту.

— На Мальдивы.

Рука с вилкой, поднесенной ко рту, замирает. Тая моргает

несколько раз, кладет ее на тарелку.

— Ты не шутишь?

— Я же обещал свозить тебя к океану, — усмехаюсь. — Медовый месяц я, конечно, не могу себе позволить, сама понимаешь. Но пару недель выкроил. Улетаем завтра.

Секунда, вторая. К Тае приходит осознание, и она с диким, девчачьим визгом подпрыгивает, прыгает, бросается мне на шею, расцеловывает.

А у меня внутри какое-то давно забытое чувство простого человеческого счастья оттого, что твоя женщина смеется и радуется жизни.

— Аллах! Какой же у меня замечательный муж! — и снова поцелуи.

Ужин отходит на второй план.

Подхватываю Таю на руки и выношу в гостиную, кладу на диван, раздеваю быстро, спешу.

— Черт, презервативы остались в спальне.

С недавних пор я перестал носить их с собой. Слово дал — держу. Да и устраивает меня все. Надо было сразу Аню слать куда подальше и не осквернять наш с Таей брак.

— Да брось, у меня безопасные дни, — легкомысленно говорит Тая.

— Нет, — чеканю уверенно, — нужна защита.

Спешу в спальню за резинкой. У меня четкое правило: никакого секса без гондона. Никогда. Ни при каких условиях. Ни с кем. Даже с женой. Вот так.

Секс выходит каким-то странным, будто между нами недосказанность. И она есть, конечно, есть. Надо бы рассказать все Тае, но я малодушно молчу.

Потому что не получится рассказать половину правды, а на полноценную отдачу я не готов. И вряд ли когда-то буду.

Глава 17

Тая

На острове совсем другой мир и другой Батыр. Нежный, чувственный, внимательный.

Мы живем в отдельном бунгало прямо на воде.

Все это совершенно непривычный мир, сказка, в которую я попала, пусть и на время.

Мы лежим у бассейна. Бирюзовая вода идет рябью от потоков ветра. Оставляю поцелуй на колючей щетине Батыра и тут же жмурюсь.

— Что, колючий я стал для тебя? — смеется он и трется бородой о мою грудь.

Я хохочу, пытаюсь вырваться из этих объятий.

— Ну перестань! Батыр!

Он замирает и смотрит на меня.

Мне кажется, его взгляд меняется. В появляется что-то очень теплое, практически родное, нужное. Кладу руку на колючую щеку и глажу.

Теперь уже Батыр зажимривается, даже льнет ко мне.

— Мне нравится твоя борода, — говорю тихо.

— На аборигена похож? — он открывает глаза и выгибает бровь.

— Есть немного, — хихикаю, — но мы же на отдыхе, это нормально, что ты расслабился и делаешь то, что хочешь.

Или не делаешь того, чего не хочешь.

— Это все ничего, только за две недели я оброс чересчур. Оставляю нежный поцелуй на его губах.

— В самый раз.

Поднимаюсь и иду к океану, спускаюсь по специальной лестнице, захожу в воду, плаваю. Далеко не заплываю. Страшно. А вдруг акулы или еще какая рыбеха? Океан богат на живность.

Батыр спускается следом за мной, подплывает, сажает на себя, тут же целует.

Публики здесь особо нет. Все бунгало стоят отдельно, и что там у соседей, не особо видно. Целуемся много и долго. За эти две недели мои губы опухли и стали еще больше.

Я не против, мне нравится любое внимание моего мужа.

— Пойдешь со мной сегодня на свидание? — спрашивает Батыр.

Он все так правильно делает, как будто знает, что мне нужно. Свое внимание целиком отдает мне.

— С удовольствием, — тесно прижимаюсь к мужу.

— Тогда как вернемся, я закажу столик в ресторане.

На ужин я надеваю длинный белый сарафан. Оставляю волосы распущенными, и они красивой волной распадаются по спине.

Когда выхожу и становлюсь перед Батыром, который оделся для выхода, он смотрит на меня с жадностью. Взгляд проходит по телу. Смотрит как собственник.

Вижу, что ему все нравится, в глазах огонь.

— Я готова, — улыбаюсь мягко, а сама с трудом сдерживаюсь, чтобы коварно не рассмеяться.

Ужинаем морепродуктами, получаем огромное удовольствие.

— Жаль, что уже завтра нужно улетать, — поджимаю губы. — Но я рада, что у нас получилось выбраться на отдых. На острове невероятно.

— Мы обязательно сюда вернемся, — он берет мою руку, целует запястье.

Почему-то возвращение навевает страх.

Вот мы вернемся. В дом. В его дом. В то место, где он жил с другой женщиной, где был счастлив с ней. В дом, который хранит тайны, от которых мне становится невыносимо тяжело.

А пока мы тут, мы далеки от проблем, от реальности и секретов. Между нами нет никого: ни пронырливой Татьяны, ни призрака покойной жены.

Кстати, Батыр вскользь упомянул, что Татьяна сдала меня. Нет, конечно, это прозвучало не так, а очень дипломатично, но факт есть факт: она меня сдала мужу. Сказала, что я интересуюсь запертой комнатой.

У меня к этой женщине все больше вопросов. Но пока я не могу предпринять никаких попыток что-либо изменить, потому что плохо понимаю ее мотивы и значимость для Батыра.

Ну а закрытую комнату он объяснил так: в ней хранятся воспоминания, от которых ему сложно избавиться. Беспокоиться мне не о чем, но лезть в это дело лучше не стоит.

После ужина мы возвращаемся к себе. Идем по красивому деревянному мосту. Доски, нагретые за день солнцем, словно гладят ноги, расслабляют.

А ночью... Ночь приносит тонну нежности и поцелуев. Ласк, которые распалют тело. Поцелуев, от которых горит кожа.

В темноте бунгало я поднимаю лицо Батыра:

— Я люблю тебя, — шепчу ему в губы и скорее целую.

Это трусость, я знаю. Но я даю ему авансом эти чувства и пути к отходу, ведь, как бы это ни было грустно, я понимаю, что муж мне не ответит взаимностью.

Батыр углубляет поцелуй, достает из пачки презерватив. Я их возненавидела на все эти две недели. Ведь у нас не было ни одного секса без резинки, а мне так хочется наживую.

Гоню от себя эти мысли, не хочу портить настроение. Мы наслаждаемся друг другом, по коже течет пот, тело гибкое, податливое.

Вскрикиваю, сжимаю волосы Батыра и расслабляюсь.

Муж тоже доходит до пика. Но вместо того, чтобы привычно притянуть меня в объятия, включает свет.

— Блять, — ругается себе под нос.

— Что случилось? — приподнимаюсь на локте и натягиваю на обнаженную грудь простыню.

— Презерватив порвался.

Честно? Внутри я ликую. Может, получится сделать маленького?

Оборачиваюсь простыней и подхожу к нему, кладу руку на загорелое плечо.

— Не переживай. Вдруг обойдется? — и продолжаю радостно: — А нет, так будет у нас малыш. Разве не здорово?

— Нет, — отвечает грубо и отходит от меня. — Нихера не здорово.

Он нервно выбрасывает презерватив в урну, надевает трусы, отходит к столу, ставит руки на стол, роняет голову на грудь. Шумно вбирает в себя воздух.

А я, оставленная в стороне, сажусь на край кресла.

Что сказать? Я не знаю. Ничего не понимаю. Мы муж и жена. Это нормально, что в семье рождаются дети. Разве нет?

Спустя несколько секунд Батыр отталкивается от стола и поворачивается ко мне.

— У нас вылет утром, поэтому на острове уже не получится найти экстренную контрацепцию. Когда вернемся домой, первым делом заедем в аптеку и купим таблетку.

Глава 18

Тая

— Никакой беременности не будет! — как самый суровый судья, выносит вердикт Батыр.

Поднимаюсь с кресла, сильнее сжимая одеяло на груди.

— Но я не хочу пить таблетку! Если мне суждено забеременеть, значит, так и будет! — не знаю, откуда берутся силы на этот протест.

— Я не допущу беременности, Тая, — он слишком жесток со мной.

— Никогда? — спрашиваю ледяным тоном.

— Никогда.

Отшатываюсь от него после этих слов, как от пощечины.

— И что? Это все, что ты скажешь? Никаких объяснений? — ни капли мягкости в моем голосе.

Только злость и гнев.

— И никаких объяснений, — удаляется в сторону ванной комнаты.

Я выхожу на улицу, укутанная простыней.

Огромная, кажущаяся неестественной луна освещает дорожку по океану.

Красиво.

Сажусь на мягкий шезлонг и поджимаю под себя ноги.

Так жжет внутри, будто битого стекла насыпали, аж вздох-

нать больно. Глаза печет, но я не плачу.

Вот так одиночно Батыр распорядился нашими жизнями. И плевать на мое мнение, да?

То есть от первой жены иметь детей можно было, а от меня нельзя?

Ну ладно, предположим, произошло что-то плохое. Возможно, ребенок родился мертвым, к сожалению, такое бывает. Я все понимаю — и страх, и боль от потери. Скорее всего, не до конца понимаю все-таки, потому что у меня такого опыта не было, но я женщина и могу понять, насколько болезненна такая потеря.

Даже если с первой женой не вышло, это не значит, что не выйдет и со мной.

— Пойдем в кровать, — Батыр тянет меня за руку, и я поднимаюсь на ноги.

Он обнимает меня. Его кожа ледяная, и я вздрагиваю. Видимо, Умаров стоял под холодным душем, пытаясь прийти в себя.

Неожиданно Батыр начинает гладить меня по голове, будто успокаивая.

— Пойми меня, так будет лучше, — говорит уже спокойнее. — Я не могу рассказать тебе всего, но просто доверься мне. Можешь? Можешь довериться и просто выполнить мою просьбу?

— Нет, не могу. Мне нужны объяснения, Батыр. Потому что я искренне не понимаю, почему я, будучи в браке и не

имея при этом детей, должна пить препарат, который убьет моего ребенка.

Он сцепляет зубы, шумно набирает воздух.

— Когда-нибудь я тебе расскажу, обещаю. Просто не сейчас.

Что мне до твоего «когда-нибудь»? Когда у меня есть только этот день. Есть только здесь и сейчас. Когда я не хочу убивать даже еще не зародившегося ребенка.

А что же дальше?

Я хочу детей. Мне сложно представить брак без детей. Я могу принять волю некоторых людей, который желают жить свободной жизнью без обременений. Но и тут, как мне кажется, в паре решение принимается обоюдно, уж точно не так, как у нас.

— У меня разболелась голова, — отвечаю я — и не вру.

В висках пульсирует, мысли как тараканы.

Выпутываюсь из его рук и направляюсь в душ, смываю с себя следы остывшей страсти, а потом возвращаюсь в кровать. Батыр тут же притягивает меня к себе.

— Прости меня, — говорит внезапно.

Молчу. Что сказать? Не знаю, у меня не осталось слов.

Наутро все меняется. Вещи собираем в тишине, с острова улетаем на гидросамолете. Весь пролет проходит так же — в тишине. В аэропорту Батыр пытается подобраться ко мне, но я отвечаю нехотя. Держать маску беззаботности не хочется.

Впервые за наш брак я думаю о том, что замужество с Ба-

тыром — мое наказание.

И пусть я выгляжу как королева драмы, плевать. В моей реальности желание Батыра неприемлемо.

В полете я сплю. Правда сплю, потому что ночь накануне мне далась тяжело и я практически не спала.

Сквозь дрему я вспоминаю эти двенедели, каждый день из которых казался великолепней предыдущего. Все было так правильно — до того самого момента.

Когда мы забираем багаж и садимся в машину с водителем, Батыр берет меня за руку, сжимает ее.

— Так будет лучше.

Нет, не будет.

Уже нет.

Я молюсь, чтобы по дороге домой Батыр забыл о том, что собирался ехать в аптеку или тупо передумал. Но нет. Автомобиль останавливается, и муж уходит. Даже не просит меня пойти с ним.

Тошнит.

От ситуации, оттого, что я чувствую себя марионеткой. В целом потому, что я понимаю: у меня не будет детей. Никогда.

— Вот, выпей, — он протягивает мне таблетку и воду. — Фармацевт сказал, по времени мы еще успеваем, так что все будет хорошо.

И хорошо тоже не будет. Никогда не будет.

Теперь я до конца своих дней не перестану думать, что

убила собственного ребенка.

Но я послушно забираю блистер, выдавливаю таблетку и запиваю водой. Отворачиваюсь к окну, как будто мне страшно интересно, что происходит на улице.

Муж снова кладет руку на мою ладонь, но я медленно вытаскиваю ее, складываю руки под грудью. Не хочу, чтобы меня касались.

Батыр больше ничего не говорит, у него начинает звонить телефон, он принимается отвечать на вопросы. По разговору я понимаю, что накопилось немало дел и его очень ждут на работе.

Уверена, сегодня он уедет и вернется очень поздно. Если вообще вернется.

Дома нас встречает Татьяна. Прохожу мимо нее не здороваясь, просто киваю. Сразу направляюсь в спальню.

— Спустишься к ужину? — спрашивает Батыр, который идет за мной по пятам.

— Я не голодна.

— Ладно. Я уеду по делам, — бросает Батыр и направляется в душ, быстро приводит себя в порядок, надевает брюки и рубашку. — Не жди меня, ложись отдыхать. Дорога была тяжелой.

— Хорошо, — отвечаю тихо.

Батыр подходит ко мне, целует в висок и уходит. А я сижу и смотрю в одну точку перед собой. Тошнота подкатывает все сильнее и сильнее. Пока я, наконец, не срываюсь и не

лечу к унитазу.

Что ж. Раз это происходит, значит, в этом есть какой-то смысл, разве нет?

Глава 19

Тая

Все изменилось.

Кардинально.

Если раньше я выпрашивала у Умарова любви и ласки, а он больше отмалчивался, то теперь наоборот.

Нет, конечно, Батыр ни слова не говорит мне о любви, но он явно чувствует свою вину из-за того, что отправил меня на этот шаг.

Я не переубеждаю Умарова. Не предпринимаю никаких попыток. Зачем? Только он виноват во всем. Именно он принял единоличное решение. Он заставил меня выпить ту несчастную таблетку, привкус которой сохраняется даже через месяц после приема.

Во мне что-то перегорело.

Наверное, я оказалась слишком маленькой и не готовой к реальной жизни, где муж за тебя принимает решение — будете вы иметь детей или нет.

Теперь я смотрю на Батыра другими глазами.

Он больше не кажется мне самым лучшим и заботливым мужем. Тем, кто умеет слушать, относится с вниманием, бережет мои чувства.

Он показал мне другую свою сторону. Жестокую.

Слава о жестокости Батыра ходила и раньше, но никогда

это не касалось меня. До недавнего времени.

Каждый день после того, как мы вернулись с Мальдив, я прислушивалась к себе. Считывала каждую эмоцию и ощущение.

Боже, а сколько статей я прочитала...

Есть вероятность, что та ночь не прошла бесследно, ведь после приема таблетки не прошло и двух часов, а меня уже вывернуло. Значит, действие препарата могло не сказаться на гипотетическом ребенке и я могу оказаться беременна.

А что дальше, Тая?

Ну вот окажешься ты беременной — и что дальше? Думаешь, Батыр обрадуется? Кинется тебе в объятия? Поблагодарит?

Точно нет. И что тогда? Что будешь делать после?

Вопрос, на который нет ответа.

— Какие планы на сегодня? — Батыр вырывает меня из мыслей, в которых я варюсь, и я поднимаю взгляд от тарелки, перестав вяло ковырять омлет.

— Поеду к Адаму. Он хотел мне показать кое-что, — отвечаю без особого желания.

— Что именно? — допытывается Батыр.

— Он подвязался на стартап. Сделал какое-то приложение.

Адам айтишник. У него куча друзей и коллег по всему миру. Программистов.

Стартап — мелочь. На самом деле, я еду туда за другим.

Адам узнал что-то о первой жене Батыра.

— Понятно, — кивает Батыр. — Вечером сходим в ресторан?

— Ладно, — веду плечом.

Я не высказываю Батыру своих желаний, при этом не отказываю в его просьбах или вопросах. Мне просто стало все равно.

Так проще. Так не нужно объяснять, почему ты не хочешь делать то или иное.

— Я приеду в семь вечера и заберу тебя. Успеешь вернуться от Адама к этому времени?

— Успею.

Умаров тяжело вздыхает.

Я не смотрю на него, я просто приложение к нему. Подсознательно все порчу и вывожу его на эмоции. Мне хочется его разозлить. Мне хочется, чтобы он хоть капельку ощутил мою боль. Чувство, раздирающее меня изнутри, выворачивающее наизнанку.

— Когда ты перестанешь на меня злиться? — спрашивает со злостью.

— Может быть, когда ты объяснишь мне причину, по которой я убила своего ребенка? — впервые поднимаю на него взгляд и смотрю глаза в глаза.

— Возможно, ты и не была беременна. Есть вероятность, что мы не успели его зачать.

— Мы теперь этого уже не узнаем, — веду бровью. — Не

так ли?

— Тая...

— И можешь не стесняться. Не изъясняйся местоимениями. Не он, а ребенок. Дитя. Малыш. Сын. А может, дочь?

Последнее я выкрикиваю и опускаю кулак на стол.

Глаза наполняются слезами, но я не даю им упасть. Батыр не заслуживает их.

— Ты ни черта не знаешь, Таисия.

— О, вот как? И чья же это вина? Может, моя? — пере-
дергиваю все его слова.

— У нас с тобой в последнее время диалог совсем не кле-
ится, — разочарованно качая головой.

— И это, конечно же, тоже моя вина.

Он не слышит меня. Совсем.

Мы так и не успели на все сто процентов притереться друг
к другу, а уже расходимся в разные стороны.

Я ловлю себя на мысли, что хочу развода. Это позор, я
знаю. Нам тяжело вместе. Между нами горы непонимания,
дополнительно все осложняется тем, что Батыр не может
быть честным со мной.

Ведь есть какая-то причины его нежелания иметь детей.
Так почему же он не может мне открыться? Мне кажется, я,
как никто, имею право знать.

— Думаю, сегодня стоит отложить поход в ресторан, —
спокойно констатирует он.

— Конечно стоит. Возможно, тебе стоит навеститься к Ан-

не, — дергаю плечом.

Это лишнее, я понимаю. Батыр весь этот месяц был, как говорится, шелковый, что для мусульманского мужчины сродни фантастике. Он делал это ради меня, понимаю.

Но оценить не могу.

Чаша весов по-прежнему перетягивает в сторону ребенка. Которого он меня лишил.

— Ты снова за свое, — смотрит на меня исподлобья.

— Разве это мое? — выгибаю бровь. — Мне казалось, что Анна твоя любовница, но никак не моя. Прости, я не по девочкам. Все-таки больше по мальчикам.

Зря. Ох зря...

Батыр даже моргает несколько раз, а после оттягивает галстук. Его ноздри раздуваются, он принимается шумно дышать.

— Таисия, ты нарываешься, девочка. Хочешь вывести меня на ревность? Не нужно, жена. Ты даже себе не представляешь, как нарываешься.

— Расслабься, — произношу беспечно. — Тебе не о чем переживать. В отличие от меня. И да. Поход в ресторан стоит отложить. Нечего устраивать публичные концерты в общественных местах.

Киваю, а затем спокойно поднимаюсь со своего места. Бесшумно направляюсь к двери в столовую и дергаю ее на себя.

Татьяна едва не падает на меня. А я неожиданно ловлю

себя на нечеловеческой злости и ненависти к этой женщине. Она делает непроницаемое лицо, будто не стояла вплотную к двери и вовсе не подслушивала наш разговор.

— Все услышала, что хотела? — спрашиваю громко, с усмешкой.

Батыр остается в роли наблюдателя, лишь хмуро смотрит на домработницу.

— Я только собиралась поменять салфетки, — блеет как ни в чем не бывало.

Оборачиваюсь к Батыру:

— Какая замечательная у тебя сотрудница, Батыр. Ответственная. Ответственная шестерка с длинным носом.

Прохожу мимо Татьяны и толкаю ту плечом.

Надоело.

Мать учила послушанию, пониманию. Женской мудрости и хитрости. Но, видимо, я плохая ученица, которая не умеет играть в игры, поэтому вывалила все что есть.

Становится ли мне легче от этого?

Нет.

Но так хотя бы я чувствую себя живой.

Глава 20

Батыр

— Что это было, Татьяна? — спрашиваю я, едва за Таей захлопывается дверь в столовую.

— Простите, Батыр Рашидович. Я подошла к двери, хотела зайти, чтобы обновить вам салфетки и забрать грязную посуду, но тут вышла Таисия Маратовна и налетела на меня.

Татьяна опускает глаза в пол, поджимает губы и добавляет:

— Вы не подумайте плохого. Я не подслушивала ваш разговор. Вовсе нет. Это скорее стечение обстоятельств.

— Я понял тебя.

Поднимаюсь со стула и направляюсь мимо домработницы, которая так и не подняла взгляд.

— Уберись тут, Татьяна.

— Что хотите, чтобы я приготовила на ужин? — тут же прямо смотрит на меня, когда понимает, что я ничего не собираюсь предпринимать.

— Ничего, — я планировал ужин в ресторане в компании жены, но сейчас не готов с ней идти в общественное место.

Тая права: наши отношения на данном этапе переживают не самые лучшие времена, так что появляться вместе опасно.

Выхожу из дома и останавливаюсь возле своей тачки, смотрю на окна нашей с Таей комнаты, ожидая, когда жена

появится.

За последние недели она заставила меня чувствовать себя настоящим козлом. Всем своим видом показывала это. Даже когда я ложился рядом и притягивал ее, она уворачивалась от поцелуев, бесила, выводила меня из себя.

Я злился на нее, на ситуацию, на сраную жизнь. Но в первую очередь на себя.

Я не представляю, что чувствует девушка на ее месте, а подойти и спросить язык не поворачивается.

Когда мы женились, я честно не думал о том, каким будет наш брак. Будет и будет рядом женщина. Когда сказали, что старшая дочь Марата сбежала и вместо нее мне подсунули Таисию, честно говоря, я даже обрадовался.

Подумал о том, что с молодой наивной девушкой будет проще простого. Что она станет слушаться и не подаст вида, если что-то не так. И что детей захочет в лучшем случае лет через десять.

А за эти десять лет я уж точно смогу объяснить ей, почему я не хочу, чтобы моя жена забеременела. Поймет ли она — неизвестно. Но, впрочем, и не важно.

Это то, что не изменится. Никогда. Не существует в мире таких причин, из-за которых я бы согласился на детей.

Я бы попросту не смог пройти через все это.

Снова.

Жена не идет, и я, совсем слетев с катушек, рывкаю:
— Тая!

Через пару секунд занавеска в нашей спальне отодвигается, и она выглядывает оттуда.

Машу ей рукой, чтобы выходила и не смела отсиживаться.

Проходит несколько минут, и Тая появляется в дверях дома. На ней широкие джинсы, кеды и объемный пиджак.

Волосы распущены, на лице нет косметики.

Красивая. Совсем зеленая, молодая. Жизни не знавшая. Может, оно и к лучшему? Ни хера хорошего в этой сраной жизни нет.

Мне не составит труда уберечь ее от всех опасностей мира, пусть только позволит мне это сделать.

— Я надеялась на то, что получится дождаться, когда ты уедешь, — произносит как ни в чем не бывало, складывает руки на груди и вздергивает острый подбородок.

А я неожиданно сам для себя растягиваю рот в улыбке. Должен признаться, я ловлю кайф оттого, что в Таисии больше не чувствуется стеснение.

Вот такая, с собственным мнением, она нравится мне гораздо больше. Дергает внутри все и сразу.

— Ты бы хоть попыталась сделать вид, что выносишь меня, — усмехаюсь.

— Не люблю ложь, знаешь ли, — дергает уголком рта. — Почему ты ждешь меня?

Голову простреливает внезапная мысль. Я не могу контролировать это, но поддаюсь с огромным удовольствием.

— Хочу отвезти тебя кое-куда, — говорю серьезно.

— Меня Адам ждет, — тут же хмурится.

— Предупреди его, что задержишься на пару часов.

— Мне все это не нравится, — даже на шаг назад отступает, но я перехватываю ее за запястье.

— Поехали. Ничего плохого не случится. А то, что ты немного опоздаешь, ерунда. Уверен, твой брат поймет, если объяснишь ему, что ездила кое-куда с собственным мужем.

Намекаю Тае, что в данный момент она неверно расставляет приоритеты.

— Как я потом доберусь к Адаму?

— Я отвезу тебя к брату.

— А обратно?

— Скажешь Ахмаду, к какому времени подъехать, он заберет тебя.

Поджимает губы.

— Еще вопросы будут?

— Да. Есть хоть малейший шанс, что ты примешь мой отказ? — надо сказать, спрашивает она это без доли иронии.

— Нет.

— Тогда ты не оставляешь мне выбора, Батыр, — качает головой. — Впрочем, это уже не в первый раз, так ведь?

Это даже не намек, а огромная глыба, которая летит в мой огород.

— Что ж, поехали, муж, — давит на последнее слово.

Я игнорирую ее выпад. Перебесится. Ничего страшного.

Открываю дверь автомобиля перед ней и протягиваю ру-

ку, чтобы помочь ей сесть. Естественно, она игнорирует ее.

Всю дорогу Таисия зависает в телефоне, а я заебался пытаться найти тему для разговоров, поэтому включаю музыку. Стоим в пробке. Тая от телефона не отвлекается ни на минуту.

— Что ты там читаешь? — спрашиваю ее.

Только тогда она поднимает голову от телефона и блокирует его. Отвечает нехотя:

— Просматриваю ВУЗы.

— Зачем? — удивляюсь. — Ты же, если мне не изменяет память, учишься на менеджера по рекламе?

— Да, — выдавливая из себя. — Но я подумываю перевестись в другой ВУЗ. Возможно, попадется специальность более интересная, чем моя.

— Может, тебе просто программа не подходит?

— Да, возможно, — отвечает уже более охотно. — Мне кажется, в нашем универе слабый преподавательский состав. Я параллельно изучаю другие учебники, слушаю вебинары преподавателей из институтов той же направленности, и они дают гораздо больше материала, позволяя изучить его более досконально.

— Если тебе нужна будет помощь или мое мнение, скажи, хорошо? У меня есть знакомые в учебных заведениях.

— Мне не нужны твои связи, чтобы поступить! — произносит возмущенно. — Я лучшая на курсе.

Поднимаю руки, сдаваясь, и тут же возвращаю их на руль.

— Я знаю, знаю, что ты умница. Я имел в виду другое.

— И что же?

— У меня есть друзья, которые преподают в лучших ВУЗах края, они могут подсказать, на каком профиле самые достойные преподаватели, где ты сможешь получить наибольший объем знаний.

— Ясно, — успокаивается. — Ладно. Я подумаю.

— Только сразу предупреждаю: университеты, которые находятся в других городах, даже не смотри. Я не разрешу тебе жить в другом городе, а отсюда ты не наездишься.

— Тиран, — бросает она мне и отворачивается к окну.

Но я успеваю поймать ее улыбку, которую она тут же подавила в себе.

А что это я вам такое принесла? Правильно, осеннюю новиночку

Присоединяйтесь) будем вместе за героиню переживать, героя ругать.

<https://litnet.com/shrt/t28p>

Глава 21

Тая

Мы едем долго. Выезжаем за пределы города.

Мне очень интересно, куда мы направляемся, но я не задаю вопросов. Держусь буквально из последних сил.

В машине установилось некое подобие мира. Даже удивительно становится от понимания, что мы можем нормально общаться.

В дороге я едва не засыпаю.

Когда машина останавливается, я распахиваю глаза.

— Что это за место? — осматриваюсь.

Становится немного не по себе. Кругом поля, лесополоса с деревьями. А место похоже на конюшню или что-то в этом роде.

— Тут можно пострелять, попрактиковаться в кхм... боевых искусствах.

— Это ваша база для боев, что ли? — округляю глаза.

Батыр смотрит на меня непонимающе, а потом запрокидывает голову и громко смеется, качает головой, словно я детеныш-несмышлениш.

— Таюш, это просто база отдыха. Вот там небольшое кафе. Дальше беседки у пруда, можно пожарить шашлык. Здесь из лука стреляют, а внутри можно из настоящего оружия пострелять.

Сглатываю, руки неожиданно холодеют:

— И зачем же ты меня привез сюда?

— Просто хотел побыть с тобой вдвоем, — выдает неожиданно, кажется, даже для самого себя. — Можно?

Не сразу нахожусь с ответом. Горло сковывает.

— Можно, — выдаю наконец.

— Тогда пошли.

Батыр берет меня за руку, ведет за собой.

Навстречу нам выходит мужчина, здоровается со мной и Батыром. Выводит мужа на ненавязчивый разговор, из которого я понимаю, что тир свободен. Он заводит нас в темное помещение, оставляет одних.

Я озираюсь по сторонам, обнимаю себя руками. Неуютно.

Муж же чувствует себя здесь как дома. Скидывает пиджак, оставаясь только в рубашке, оборачивается ко мне.

— Снимай пиджак, — кивает на мою одежду.

— Там топ, — снова смотрю по сторонам. — Он с открытыми плечами и вырезом.

— Не переживай. Никто, кроме меня, тебя не увидит, — спокойно произносит он и принимается доставать оружие.

Проверяет его, заряжает. А я все-таки решаюсь снять с себя объемный пиджак. Кладу его на обшарпанный стул, стоящий у стены, туда же ставлю сумочку.

— Иди сюда, — зовет Батыр.

Подхожу к мужу.

— Только не говори, что ты хочешь, чтобы я стреляла из

настоящего оружия, — мой голос даже подрагивает от страха.

— Именно этого я и хочу.

Батыр подводит меня к столу, на котором лежит оружие, рассказывает:

— Это пистолет Ярыгина. Не самый хороший, но для первых попыток стрельбы подойдет.

Дает мне подержать его. Я взвешиваю пистолет в руке. Тяжелый, металл холодит кожу.

— Почему не самый хороший?

— Потому что сборка дерьмо. Автоматика сбоит. Короче, так себе.

— Понятно.

Батыр берет следующий пистолет, забирает у меня первый, вкладывает мне в руку второй.

— Это «Глок».

— Похож на игрушечный, — усмехаюсь.

— Есть такое. Но это только внешне. На деле это хорошее оружие.

— Он легче, чем предыдущий.

— Потому что сделан из армированного пластика.

Умаров забирает у меня «Глок» и протягивает следующий пистолет.

— О! — восклицаю восхищенно. — Этот я знаю. Пистолет Макарова.

— Точно. Умница, — Батыр расплывается в улыбке. — А

теперь стреляем.

— Что? Серьезно? Я думала, что буду смотреть, как стреляешь ты.

— Нет, — улыбается. — Это я буду смотреть, как стреляешь ты. Становись ровно, держи спину. Хорошо, что ты в кедах, иначе на каблуках устойчивости бы не было.

Муж становится вплотную ко мне. Его спина греет мне кожу через ткань топа, касается обнаженных плеч.

Умаров ведет пальцами по моим рукам, доходит до запястий, переворачивают пистолет.

— Держи его крепко, но без давления. Пистолет не должен быть в смертельной хватке, иначе ты никогда не попадешь в цель, — Батыр говорит тихо, утробно.

Внизу живота шевелится желание, дыхание срывается, по коже разбегаются мурашки, а муж продолжает говорить мне на ухо, обдавая теплым дыханием и лаская губами волосы.

— Видишь мишень? Смотри вот сюда. Середина мишени должна быть тут. — Снимает пистолет с предохранителя. — Когда будешь готова, нажимай на курок на выдохе.

Какой там выдох? Я не дышу рядом с ним. Какая мишень? Я могу думать только о муже, который стоит ко мне очень... катастрофически близко.

Стреляю. Не попадаю даже в бумажку с мишенью.

— Продолжаем, — спокойно командует Батыр.

Кладет руку мне на живот, притягивает к себе еще плотнее.

— Сосредоточься, Тая. Целься. Вдох... на выдохе стреляй.

Да он шутит! Как вообще сосредоточиться можно, когда у меня все горит изнутри.

Делаю несколько вдохов и выдохов. Батыр берет мои сцепленные ладони и приподнимает их.

Я слышу, как спокойно бьется его сердце, и концентрируюсь на нем, успокаиваюсь. Хлопок.

Пуля попала в лист, но не задела ни одного круга.

— Уже лучше. Дальше.

Больше часа Батыр заставляет меня стрелять. В какой-то момент я вхожу в раж и стреляю сама. В мишень попадаю уже лучше. Но потом рука устает, и я мажу раз за разом.

— Думаю, на сегодня достаточно, — довольный собой, говорит Батыр. — Ты умница, Тая. Отлично стреляла.

— Так отлично, что теперь аж рука болит, — тру запястье.

— Это от напряжения, — понимающе кивает Умаров.

Поднимает мой пиджак со стульчика, помогает мне надеть его, одевается сам.

— Поехали? Отвезу тебя к брату.

— Да, конечно.

Выходим за пределы базы. В крови бурлит адреналин. В дороге не могу успокоиться, всю трясет изнутри.

— Мне безумно понравилось, — признаюсь честно. — Спасибо тебе огромное, Батыр.

Умаров кивает, а потом резко сворачивает на обочину,

останавливает машину.

Тянется к моему ремню безопасности, отстегивает его.

— Тая, я не могу больше так, — его голос становится тяжелым, обволакивающим. — Иди ко мне, девочка. Я соскучился.

Перетягивает меня к себе на колени, сажает сверху. Фиксирует шею и впивается в губы.

Глава 22

Тая

Адреналин до сих пор бурлит в крови, в ушах шумит, в груди горит.

Батыр забирается рукой под пиджак, кладет ладонь на обнаженный участок спины, прижимает меня к себе. Целует, прикусывает губу, облизывает.

Губами прокладывает дорожку ниже, к груди. Кусает сосок через ткань топа.

Рвано вдыхаю воздух, запускаю руку в волосы Батыру, сжимаю их на затылке.

Умаров дышит тяжело. Тянет полы моего пиджака вниз, оголяя плечи и оставляя на них поцелуи.

Я озираюсь по сторонам. Мы стоим на обочине, по трассе за это время кажется никто не проехал, но все равно мне немного не по себе.

— Батыр, — вяло сопротивляюсь, — нас могут увидеть.

— Машина затонирована, нас никто не увидит, — произносит хрипло. — Иди ко мне, Тая. Я хочу тебя — аж яйца звенят.

Рычит мне в губы.

— Целый месяц бегала от меня, а я с ума сходил.

Это так, да. Умаров несколько раз пытался расположить меня на секс, но я всем своим видом давала понять, что не

хочу близости. Так и было.

Сейчас во мне тоже бушует сопротивление, но желание и тяга тела к собственному мужу берут свое, от этого аж кружится голова.

— Ты хочешь прямо тут? — спрашиваю тихо, как кошка подставляя шею для ласк.

— Я не доеду до дома, Таюш, — шепчет мне в губы.

Наконец он стягивает мой пиджак, перебрасывает его на соседнее сиденье. Оттягивает топ, оголяя сосок, вбирает его в рот.

Я ахаю, откидываюсь на руль.

Батыр не останавливается, просовывает руку между нами, расстегивает молнию на моих джинсах, запускает в них руку.

Я всхлипываю от ощущений. От тесноты, от этой ласки... первобытной какой-то.

Он проводит пальцем по складкам, запускает внутрь палец. Я стону от ощущений и эмоций, принимаюсь ерзать на его коленях, чувствуя, как возбуждение мужа упирается между ног.

Между нами искрит, конечности дрожат, воздуха не хватает.

— Не могу больше, — бормочет Батыр. — Лезь назад.

Помогает мне перелезть на заднее сиденье, а сам выходит на улицу, снимает пиджак, пересаживается ко мне. Хорошо, что у Умарова огромный внедорожник, иначе бы мы не поместились тут.

Я только успеваю опомниться, как Батыр дергает меня за ноги на себя. Торопливо, швами наружу, стягивает по бедрам мои джинсы, бросает их на пол.

Топ тянет вниз, на талию. Тут же опускается, целует грудь, живот. Прикусывает кожу, мурлычет, как дикий кот. Я хватаюсь за сиденья и ручки, потому что едва выдерживаю его напор.

Принимаюсь расстегивать пуговицы на рубашке, муж помогает мне справиться с ними, сбрасывает ткань.

На брюках он тормозится. Лишь расстегивает молнию и приспускает их, вытаскивает напряженный член.

— Ох и устроила ты мне голодовку, Таисия, — качает головой. — Теперь держись.

Я не совсем понимаю, о чем он, голова словно вареная. Мысли расплавились. Адекватность исчезла вслед за здравым смыслом, оставив только оголенные, как провода, чувства.

Батыр достает из кармана неизменный презерватив и раскатывает его по члену. Даже в такой ситуации не забывает о защите.

Входит резко, из-за чего я даже делаю попытку отползти назад. Все-таки месяц без секса сказывается.

— Все... прости, — бормочет Батыр.

Двигается сначала медленно, но надолго его не хватает, и он ускоряет темп.

Я боюсь подумать о том, как со стороны выглядит маши-

на. Да она же наверняка трясется, просто ходуном ходит!

Стону, хватаюсь за плечи мужа. Удержаться не могу. Все слишком ярко и остро. Разрядка приходит очень быстро. Ноги сводит судорогой, пальцы поджимаются.

Батыр кончает через пару минут после меня. Падает рядом, дышит шумно, со свистом. Поворачивает лицо ко мне, смотрит с широкой счастливой улыбкой.

— Все в порядке? Я не сделал тебе больно? — спрашивает, посерьезнев.

— Нет, — качаю головой, сама пытаюсь успокоить бешеное сердце.

Затем наклоняется, целует меня в губы. Проводит большим пальцем по скулам.

— Ты очень красивая у меня, — произносит тихо, но как-то гордо.

Конечно, я готова поспорить с этим. Лицо, может быть, и ничего, а вот тело все-таки худощаво для такого мощного Умарова. Формы не дотягивают.

Батыр не замечает моих сомнений в себе, стягивает презерватив, поправляет одежду, выходит на улицу. Пока нет проезжающих мимо машин, одевается.

Из бардачка достает упаковку салфеток, кидает мне назад.

— Возьми.

— Спасибо.

Я совру, если скажу, что в этот момент не почувствовала себя шлюхой.

В тачке.

На трассе.

Становится неудобно, но я гоню от себя эти мысли. Удовольствие получила? Вот и отлично. Вот и радуйся, Таисия. Масса людей, в том числе и женатых, делают это в машинах. А что, зато разнообразие.

Одеваюсь, перелезаю вперед.

Обратно едем в молчании, но оно больше не напрягает. Мы уставшие и одновременно расслабленные.

Батыр находит мою руку, сжимает ладонь. Я отвечаю ему тем же.

Когда подъезжаем к дому родителей, я осмеливаюсь под-
нять тему, которая меня тревожит:

— Батыр, давай найдем новую горничную?

— Чем тебе Татьяна не угодила? — он вскидывает брови.

— Ты сейчас серьезно? — поверить не могу...

— Вполне. Так и в чем же причина?

— То, что она подслушивала наш разговор, тебя не смущает?

— Нет. И она не подслушивала. Татьяна лишь принесла салфетки, а ты налетела на нее.

Открываю рот.

— И ты поверил в это?

— Татьяна работает у меня больше десяти лет и никогда не была замечена в шпионаже. Так что да, я верю ей.

Сглатываю. Все, что было хорошего за сегодня, стирается.

— А то, что она как шестерка сдает тебе меня? Это тоже нормально?

— Она лишь рассказала мне о том, что ты спрашивала у нее, и все. Слова плохого против тебя не сказала.

— То есть тот факт, что мне неудобно в одном доме с твоей горничной, тебя не смущает? И сделать ради спокойствия своей жены ты ничего не хочешь? В выборе между горничной, которая работает у тебя десять лет, и женой, с которой ты живешь пару месяцев, ты, конечно, отдашь предпочтение первой?

— Что за драма? — морщится. — Я не собираюсь никого выбирать. С Татьяной у вас вышло недопонимание. Думаю, все образуется.

— Я тебе говорю: мне некомфортно рядом с ней.

— Это потому что ты к ней не привыкла. С женщинами так бывает. Вы найдете общий язык.

Он попросту отмахивается от меня, как от назойливой мухи.

— Ясно.

Зажмуриваюсь, качаю головой.

— Боже... какая я дура, — говорю тихо, на выдохе, но Батыр слышит.

— Что такое, Тая?

— Пока, Батыр, — дергаю ручку двери, вываливаюсь на улицу.

— Таисия! — рывкает Умаров, но я забегаю в родитель-

ский дом и захлопываю дверь.

Дура ты, Тайка. Дура дурой.

Думала, твои желания для него что-то значат? Ха! Плевать Батыр хотел на тебя и твои мысли.

Глава 23

Тая

— Ты чего злая такая? — Адам смотрит на меня исподлобья.

А я просто хожу из угла в угол, кусаю ногти и совершенно не в состоянии успокоиться.

Поверить не могу в то, что Батыр выбрал не меня.

Ладно, даже если предположить, что я ошиблась. Накручиваю себя, наговариваю на человека. Хорошо, допустим.

Такое бывает, когда люди не могут найти общий язык. Вот просто не могут, и все тут. А у меня есть причины на нелюбовь к горничной.

Я объяснила все Батыру, но ему вообще плевать. Плевать на мои чувства, на мои эмоции. Я не ревную его к Татьяне, вовсе нет.

Я ревную его к связи с первой женой, которая сохраняется через домработницу. А сама Татьяна явно считает, что имеет вполне достаточно прав в нашем доме, вот позволяет себе делать то, что ей хочется и при этом держать меня за дуру.

— Не ладится у вас с Батыром? — спрашивает Адам.

Он подъезжает ко мне на инвалидной коляске, становится посреди своей комнаты, чтобы я перестала ходить перед ним взад и вперед.

— Можно и так сказать, — веду плечом.

Отвечаю туманно.

Не рассказывать же мне брату о том, что случилось на отдыхе и том, что было после?

— Подробностей не раскроешь? — спрашивает спокойно.

— Нет, — отвечаю уверенно.

— Может, оно и к лучшему. Скажи мне только, не обижает тебя Умаров?

— В каком плане? — сажусь на кровать Адама и еще сильнее закусываю палец.

Брат закатывает глаза, придвигается ко мне вплотную, хватывает руку у меня изо рта.

— Все детство ногти грызла, когда нервничала, и теперь ничего не изменилось, — впервые за долгое время улыбаюсь.

Не могу сдержать ответной улыбки:

— Я помню, ты предлагал родителям надеть на меня специальный ошейник, как у собак. Чтобы я перестала грызть ногти.

— Ага. Было дело, — веселится.

— Засранец, — легонько бью его в плечо.

— Это я любя, ты же понимаешь? — Адам дурачится, а у меня даже поднимается настроение, когда я вижу, что у него все хорошо.

— А теперь давай к делу, — произношу я, когда волна смеха сходит. — Что у тебя получилось узнать?

Он тоже вмиг становится серьезным, даже хмурым.

— Во-первых, Тая, ты должна понимать: то, что я делал, — незаконно. Поэтому будет лучше, если ты никоим образом не рассекретишь что я тебе скажу.

— Ты меня пугаешь, — по телу и вправду проходит озноб.

— Да... — опускает голову. — В сети нигде нет открытой информации. Только то, что Батыр состоял в браке с Умаровой Гульнар. Брак считается расторгнутым по причине смерти одного из супругов, то есть этой самой Гульнар.

— Это ее имя... — шепчу сухими губами. — Гульнар. Красивое. В сети есть фото?

— Нет, — Адам подъезжает к столу и снимает блокировку с ноутбука. — Знаешь, ее девичья фамилия Абашева. Я погуглил эту фамилию. Если она действительно принадлежит к этой семье, то они очень ортодоксальны. Их женщины носят хиджабы. Закрывают лица. Женщины не публичны. Так что я полагаю, именно это и есть причина того, почему нигде нет снимков Гульнар.

— Понятно, — шепчу я, на полный голос нет сил.

— Но на самом деле это не так важно.

— Да, наверное.

— Информации о том, чем занималась первая жена Батыра, нет. Вообще никакой. Собственно, есть только дата смерти — и все.

— А причины?

— Парни из моей команды влезли в базу данных больницы, где происходило вскрытие.

— И?

— В заключении написано: сердечная недостаточность.

— Что это значит? — хмурюсь.

Я совсем не сильна в медицине и тем более в терминологии.

— Как мне объяснили, это обширное понятие, за которым может стоять что угодно. Так что, от чего конкретно умерла Гульнар, могут знать только родственники.

— Батыр.

— Да. Но естественно, идти к нему с этими вопросами не стоит.

— Я не настолько дура, — качаю головой.

— Прости. Я не это имел ввиду. Дальше. Церемония бракосочетания была закрытой, опять же никаких фото и видео.

— Что с ребенком, Адам? — сглатываю.

— Тут вообще туманная история, — Адам нервно моргает несколько раз. — Мы нашли три карты ведения беременностей Умаровой Гульнар, но...

— Но? Говори же, ну! Не тяни!

— Но вот никаких упоминаний о том, что эти беременности закончились рождением детей, нет.

— То есть как? Нет, я понимаю, мог быть выкидыш. Должна же быть где-то информация о том, что беременность закончилась выкидышем?

Адам отвечает не сразу, выдерживает мой взгляд.

— Должна. Но ее нет, Тая.

— Ни родов, ни выкидышей, ни детей? — округляю глаза.

— Что за мистика?

Адам невесело усмехается.

— О, милая сестра, никакой мистики тут нет. Просто кто-то почистил историю беременности.

— И, по всей видимости, результаты вскрытия, — заканчиваю тихо.

— Да. Только вот непонятно, зачем это делать.

— Слушай, ну ты же не думаешь, что Батыр как-то причастен к этому? — задаю я самый главный и тревожный вопрос.

— Умаров не похож на детоубийцу. Да и на убийцу жен тоже.

— Не похож, — соглашаюсь с готовностью. — Но что-то же случилось?

— Что именно, тебе скажет только один человек.

— Знаешь, куда отправит меня Батыр, если я приду к нему с этим вопросом?

— Значит, не приходи, Тая, — делает вывод Адам.

— Это твой совет? — усмехаюсь.

— Братский, да. Не бери его прошлое, лучше живи настоящим. Он уважительно к тебе относится? Не оскорбляет? Не поднимает на тебя руку? Есть еще какие-то красные флажки?

Кроме того, что он заставил меня выпить ту таблетку, нет. Но я не могу поделиться с Адамом этим.

— Нет, — отвечаю я.

— Значит, забудь, что я тебе только что наговорил. В конце концов, у этой женщины реально могли быть проблемы с сердцем.

От Адама уезжаю подавленная, шокированная, с единственным вопросом, который меня беспокоит: что будет делать Батыр, если я все-таки забеременею?

Глава 24

Тая

Ахмад ведет машину спокойно, не торопясь и соблюдая все правила дорожного движения.

Я же перевариваю то, что услышала от Адама. Пищи для размышлений много.

Я понимаю, что все это не мое дело. Мало ли что там происходило в прошлом Батыра? Может, его жена болела? Или оказалась неверна ему? Как бы то ни было, меня это не касается.

Или все-таки касается? Ведь причина в проблеме с детьми все-таки кроется где-то тут, я чувствую.

Сложность в том, что у меня есть только информация, которую разыскал для меня Адам, не больше. А вот что делать с ней дальше, непонятно.

По-хорошему, надо просто вычеркнуть из памяти все, что рассказал брат, и жить своей жизнью, не оборачиваться назад. Теперь бы еще понять, как это возможно сделать, потому что одно дело подумать, а другое — воплотить это в жизнь.

Есть еще другая проблема. Месячные должны начаться со дня на день. Что делать, если они все-таки не придут? Как сказать Батыру о беременности?

На меня накатывает страх.

Самое интересное — отчего, ведь я не сделала ничего пло-

хого. Никого не слушала, не обманула.

Ладно, Таисия, хоть не ври самой себе.

В общем, то, как отреагирует Батыр на новость о ребенке, — вопрос, от которого волосы на голове начинают шевелиться.

— Спасибо, Ахмад, — говорю я, когда машина останавливается во дворе дома.

— Всего хорошего, Таисия, — вежливо отвечает водитель, и я захожу в дом.

Уже на пороге у меня внутри все переворачивается. Ментальное отторжение. Я не хочу находиться в этом доме. Меня просто выворачивает. И дело даже не в том, что когда-то давно здесь жила совершенно другая женщина, которая носила детей Батыра, вовсе нет.

У проблемы есть четкое имя, от которого злость начинает подкатывать к горлу.

Татьяна.

Иногда у меня складывается ощущение, что именно она является хозяйкой, а никак не я. Ведет она себя не как домработница, не как прислуга — как женщина, которая держит тут все в кулаке, без ведома которой ничего не произойдет в доме. Комар не пролетит.

С ней совершенно точно нужно что-то делать. Я не знаю как, но к Батыру нужно найти подход, чтобы он уволил ее. Я не верю ни единому ее слову. Эта женщина не та, кем хочет казаться перед моим мужем.

Мне хватит двух соперниц — этой самой Ани, бывшей любовницы Батыра, и его покойной жены. Трех я не потяну..

Решительно захожу в дом и с грохотом захлопываю дверь. Я не собираюсь прятаться по углам и юркать по дому мышь, чтобы она не заметила меня. Нет. Буду вести войну в открытую.

— Татьяна! — зову ее.

Не знаю зачем, но делаю это.

Пусть знает, что я ее не боюсь.

Только ко мне никто не выходит.

Еще не очень поздно, только восемь часов вечера, но в доме уже темно. Обычно, когда только начинает смеркаться, Татьяна включает свет по всему дому, чтобы хозяева не ходили в потемках.

Вдруг ее нет в доме? Проверять я не хочу, Татьяна живет в другом конце дома. Может быть, Батыр отпустил ее на выходной?

Беру в руки телефон, чтобы посмотреть уведомления, но на экране ничего нет. Конечно, нет... Разве Батыр когда-нибудь отчитывался передо мной?

Включаю свет в коридоре, иду далее в кухню, затем в гостинную. Везде включаю освещение.

В комнатах порядок, на кухне идеальная чистота. Все-таки способностей Татьяны по наведению порядка умалять не стоит, в этом плане она идеальный работник. Но ей-богу, я

лучше буду сама драить этот особняк, чем терпеть ее общество.

Везде пусто и тихо, ни души. Наверное, Батыр действительно отпустил домработницу, а сам задерживается.

Ну и хорошо, значит, переведу дух в одиночестве.

Поднимаюсь по лестнице на второй этаж, параллельно стягивая с себя пиджак. На втором этаже замираю, хмурюсь. Мне чудится, будто дверь в ту самую комнату открыта.

Щелкаю выключателем в коридоре, и он моментально освещается, а мое сердце заходится в бешеном ритме.

Дверь в комнату, про которую нельзя говорить, приоткрыта.

Мои пятки примерзают к полу. Вся я покрываюсь ледяной коркой изнутри. Мне страшно. И подойти не могу, и остаться на месте тоже не выйдет..

Как в фильмах ужасов, я медленно делаю шаг. Еще один. И еще.

— Батыр? — зову надтреснутым голосом.

Кто-то же открыл эту дверь? Ну явно не я.

У Татьяны нет ключей, остается только Батыр.

Шаг за шагом приближаюсь к комнате. Мне страшно, да. Но я все равно иду. Мало ли, может, Батыр вошел внутрь и ему стало плохо?

— Бат... — уже шепчу, потому что от страха голос садится.

Кладу пальцы на ручку двери и тяну ее на себя. В комнате

темно, вообще ничего не видно.

Стоя на пороге, я начинаю шарить по стенам внутри комнаты. Тут должен быть выключатель. Он ведь располагается всегда при входе.

Наконец, нащупав его, я нажимаю на кнопку.

Свет в комнате включается и освещает пространство.

Я сглатываю.

Сцена как в фильмах ужасов.

Конечности немеют, голова начинает кружиться. Тем не менее я делаю шаг внутрь. Прохожу и становлюсь в центре комнаты, осматривая ее.

В одном углу расположен детский манеж. Деревянные прутьики обвиты белыми тесемками, которыми привязаны подушки голубого цвета. То, что это голубой цвет, я лишь предполагаю, потому что он явно выцвел, да и ткань напиталась пылью.

Над кроваткой белый балдахин, на стене небольшой светильник — божья коровка.

Рядом пеленальный столик. Я подхожу и провожу по нему рукой, собирая пыль. Тут же одергиваю руку, будто обжегшись. Возникает ощущение, будто я нагло, практически преступно врываюсь в чужую жизнь.

В противоположном углу кресло, рядом с ним торшер. Наверное, предполагалось, что женщина будет кормить тут ребенка грудью.

На стене висят картинки в белых рамках со смешными

животными. Куча игрушек. Некогда белый медведь смотрит на меня с осуждением.

Небольшой шкаф наполнен детскими книжками, которые никто никогда не прочитает ребенку. Маленькие ручки никогда не обнимут маленькие игрушки. Красивым голубым одеяльцем никого не укроют...

Всхлипываю. Сама не заметила, как по щекам потекли слезы.

Закрываю рот рукой.

Что же я наделала? Зачем вошла сюда? Но и уйти теперь не могу. Как прикованная смотрю вокруг, подмечая все мелочи, каждую вещь.

— Как ты вошла сюда, мать твою?! — дергаюсь от рева мужа.

Он стоит на пороге, но не переходит его. На меня смотрит глазами, полными ненависти.

Глава 25

Тая

— Таисия... — Батыр дышит тяжело. Ему сложно говорить? — Я спрашиваю у тебя: как ты попала сюда?

Мне кажется, сейчас он настолько зол, что может и ударить меня.

— Я... я... — лепечу, слова никак не могут сложиться во фразу, только слезы начинают литься сильнее.

Я думала, тут что-то вроде комнаты памяти жены. Возможно, ее вещи и любимые книги. Или их с Батыром старая спальня.

Я оказалась не готова к тому, что запертая комната окажется детской для ребенка, который так и не увидел жизнь. Что ж, теперь информация, которой поделился со мной сегодня Адам, имеет смысл.

— Ты, блять, издеваешься надо мной? — ревет Батыр и бьет в дверной косяк. — Как ты вошла сюда?

Я подмечаю кое-что важное: Батыр не заходит внутрь. Несмотря на то, что он явно зол на меня, он не предпринимает попыток пройти в детскую.

Входил ли он сюда когда-нибудь?

Выглядит все так, будто нет. Слой пыли на полу и мебели ровный, значит, сюда несколько лет не ступала нога человека, и от этого осознания становится ужасно не по себе.

— Дверь была открыта, — наконец отвечаю я.

У Батыра раздуваются ноздри, в глазах плещется злой огонь.

Сейчас он похож на животное, беспощадное и жестокое, которое только и ждет, чтобы наброситься на меня.

— Волшебным образом сама открылась? — это не сарказм, это яд чистой воды.

Теперь даже я понимаю, как глупо звучат мои слова.

— Я пришла... а тут...

— Что «тут», Таисия? — он дергает бровью.

— Я включила свет в коридоре и увидела, что дверь приоткрыта, вошла внутрь, — мямлю я.

Как можно в это поверить?

Даже я отнеслась бы с сомнением к собственным словам. Глупо как-то звучит. Очень похоже на бред. Дверь сама открыться не может. Это делает человек.

Достает ключ, явно где-то спрятанный, идет к детской. Вставляет ключ в замочную скважину и отмыкает этот склеп.

Все явно делается с какой-то целью.

Конечно, Батыр не верит мне. Я бы сама себе поверила.

— Насмотрелась? — спрашивает холодно. — Утолила интерес? Вынюхала?

Зло, беспощадно и безжалостно, да. Я понимаю его.

— Прости... — говорю едва слышно.

Даже если дверь открыла не я, внутрь меня никто не толкал.

— Прости, пожалуйста, — зажимаюсь.

Из глаз льются потоки слез. Я сама не замечаю их, не слышу собственных всхлипов. Только гул сердца, который отбивает ритм в ушах.

Наконец Умаров делает решительный шаг вперед и входит в комнату. Хватает меня за предплечье. Грубо, причиняя боль. Наверное, завтра на руке будут синяки.

Он вытаскивает меня из спальни, и я выхожу в коридор на негнущихся ногах.

Муж выключает свет и закрывает дверь на замок, кладет ключ в карман брюк, тянет меня за собой, к нашей спальне.

В комнате темно, и он включает свет.

Сразу же в глаза бросается та самая коробочка, которую я держала в руках лишь однажды. Я дала себе зарок больше не трогать ее и сдержала слово, данное себе.

Поди теперь объясни это Батыру...

Ведь эта коробочка теперь стоит на моем косметическом столике. Открытая. Фотографии лежат стопкой на столе. Кто-то очень постарался, подстраивая это. Видимо, ключ находился под стопкой фото, потому что в прошлый раз я не видела его.

— Ключ в двери торчал, значит? — зло усмехается Умаров.

— Батыр...

— Не добилаесь от меня ответов, решила действовать кардинально? — Батыр толкает меня на кровать, и я валяюсь на

нее, больно ударяясь лодыжкой о край. — И как тебе рыться в моих вещах? Понравилось? Удовлетворила свой интерес, Тая?

Растираю ногу и поднимаю на мужа виноватый взгляд.

— Батыр, все не так, — где-то нахожу силы, чтобы защитить себя. — Я правда пришла домой и увидела, что дверь открыта. Клянусь, что не открывала дверь. Ты все не так понял!

Умаров подходит к зеркалу, складывает фотографии в коробку, пытается закрыть ее, но руки трясутся, ничего не получается. Он повторяет это действие несколько раз.

Я лишь смотрю с кровати на то, как подкосила его эта ситуация, потому что муж явно не в себе. От этой картины кро-
воточит сердце...

Наконец Батыр закрывает крышку и берет в руки коробку.

— Хочешь сказать, впервые ее видишь?

Долго смотрю на него, а потом просто закрываю глаза.

— Нет, — наконец отвечаю шепотом.

Я трусиха, да. Мне страшно открыть глаза и считать нена-
висть по отношению к себе. Даю себе пару секунд, а после открываю глаза.

Все мои страхи оживают, когда я смотрю в глаза Батыр.

— Как ты могла, Тая? — спрашивает он уязвленно.

— Я не делала ничего, Батыр. Честно. Все было именно так, как я тебе сказала.

Умаров лишь качает головой.

— Ты разочаровала меня, Таисия, — говорит, словно я его подчиненная, а после разворачивается и направляется к выходу.

— Не смей! — выкрикиваю я.

Откуда берутся силы, не знаю. Рывком поднимаюсь с постели и встаю напротив него.

— Не смей винить меня, слышишь?! Ты ничего не рассказываешь мне, вынуждаешь к тому, чтобы я начала искать! А что прикажешь мне делать?! Я твоя жена, но прав в этом доме у меня меньше, чем у прислуги. Я не жена, а просто твой придаток, которым ты управляешь так, будто я бездушная машина. Почему ты не рассказал мне о жене? О ребенке? Неужели думаешь, я бы осквернила их память? Я же все понимаю, Батыр. И причины, и мотивы. Все-все понимаю! Но ты... ты даже не попытался объяснить! И не вздумай выставить меня виноватой! Это твой дом! И только ты виноват в том, что тут происходит такая чертовщина! Я уехала вместе с тобой, а вернулась за пять минут до твоего прибытия, можешь спросить у охраны! Это не я выпотрошила коробку, не я открыла дверь! Может, пора подумать о том, что твоя охреневшая домработница подставляет меня?! Я знать не знала, где находится ключ от той комнаты. А вот она, живущая тут больше десяти лет, знает все о доме и о том, где и что лежит! — голос срывается, я перевожу дыхание. — Но ты, конечно же, не согласишься мне, я понимаю. Кто я такая? Ненужная жена, неудобная, сующая нос туда, куда не следу-

ет. Домработница, разумеется, важнее, ей ты веришь больше, потому что... десять лет, десять лет, десять лет! Аллах! Потому что она любила твою Гульнар, а я и в подметки ей не гожусь, да?!

Дышу со свистом, в горле пересохло.

Батыр уже собран. Смотрит на меня непроницаемо, холодно.

— Откуда ты знаешь, как зовут мою первую жену? — спрашивает таким тоном, что мурашки по коже...

Вот и все.

— Из всего, что я тебе сказала, тебя интересует только это? — спрашиваю устало.

Батыр опускает голову, качает ею.

— Откуда? — повторяет вопрос.

Бесполезно. Все бесполезно. Попытки достучаться до Батыра никчемны и бессмысленны.

Даже спустя десять с лишним лет на первом месте у него покойная жена.

Мне никогда не сдвинуть эту стену. Она проросла слишком глубоко.

— Из интернета, — наконец отвечаю на выдохе, уже устав бороться.

Умаров перехватывает коробку и разворачивается, направляясь к выходу из спальни.

— Я переночую в гостинице, — бросает мне безэмоционально.

Роняю голову, устало выдыхаю.

— Ты никогда не будешь бороться за меня так же, как за нее... — произношу тихо, но муж все слышит.

Его плечи напрягаются, но не более.

Ответом мне служит хлопок двери.

Глава 26

Батыр

Перед глазами пульсирующая красная пелена.

Убрался от Таисии как можно скорее, побоялся, что иначе наврежу ей. Чувствовал, что не в адеквате, не в себе. Здравый смысл выжегся от осознания произошедшего.

По пути домой сегодня вечером последнее, о чем я думал, так это о том, что я застаю Таисию в детской, куда годами запрещал себе заходить.

А она просто сделала это.

Переступила порог. Невидимую черту.

Вошла в мою жизнь, в мою историю, которую я оберегал. Хранил, как самое сокровенное. Прошла внутрь, наверняка даже не отдавая себе отчета в том, что именно делает.

Возможно, для нее это было лишь игрой.

Татьяна мне уже несколько раз говорила, что Тая продолжает интересоваться комнатой. Но я и предположить не мог, что моя жена от простого любопытства перейдет к грубым действиям.

Что-то все-таки не связывается. Будто мне показывают картинку и заставляют поверить в нее, но я не могу никак. Что-то не то тут.

Эмоции же все равно берут верх. Злость на грани ненависти.

Хорошо, что я вернулся домой с водителем, иначе, сядь я за руль, не исключено, что влетел бы куда-нибудь. Поэтому сейчас, на заднем сиденье машины, я открываю коробку и принимаюсь рассматривать фотографии.

На этой мы в свадебных нарядах. Я видел Гулю до свадьбы лишь однажды. Смотреть на невесту запрещалось, но я делал это украдкой.

Она была безумно красивой девушкой, мне стоило труда отводить взгляд.

Тут же перед глазами образ другой невесты. Таисии. В платье, которое я выбрал ей. По каталогу, да. Распорядитель забил тревогу — семья Таи хочет нарядить ее в платье сестры. Чтобы отмахнуться от сотрудницы в салоне, я ткнул в первое попавшееся платье, лишь бы отвязаться.

Удивительно, как я угадал с фасоном, хотя далек от этих женских штучек.

Провожу пальцем по глади фото.

Мне кажется или Гуля смотрит на меня с укором? Да бред вообще!

Возвращаюсь в тот день. В день, когда она стала моей женой.

Дьявол, я трясся как мальчишка перед ней. У меня до нее были другие женщины, да, но как же я боялся навредить ей. Был молод, импульсивен. Все боялся, что переборщу и причиню боль. Именно поэтому сдерживался как мог.

Следующая фотография из столицы. Мы уехали туда в

свадебное путешествие. Гуля так захотела. Ей были интересны музеи, выставки. Старинные здания, театры.

Снова вторгается мысль о Тае.

Я даже не знаю, интересно ли ей это? Может, она вообще иного склада ума и ее интересует что-то другое?

Высыпаю фото к себе на колени и в ворохе нахожу мое самое любимое. Я, Гуля и Космос.

Я купил этого далматинца после первого выкидыша. Глупо пытаться заглушить боль от потери ребенка животным. Но тогда я особо не отличался умом.

Можно подумать, сейчас отличаюсь...

Космоса мы любили. В некотором роде он все-таки смог заглушить боль. Совсем немного. Однажды, после второго выкидыша, я вернулся домой и не нашел его.

Тогда я спросил у Гули, не знает ли она, где наш пес?

Она ответила, что увезла его в лес.

Просто посадила в машину и вывезла в лесополосу.

Жена сидела в кресле и смотрела сквозь меня, безэмоционально рассказывая о том, как пес бежал за уезжающей машиной, а у нее не дрогнуло внутри ничего.

Я пытался найти Космоса. Несколько недель безуспешных поисков не привели ни к чему.

Больше животных своей жене я не покупал...

Есть и другие фото. Вот Гуля с животом. Улыбается. Счастливая. Я тоже, одурманенный радостью.

Этим детям не суждено было родиться, но мы еще не зна-

ли этого.

Аккуратно складываю снимки и убираю в коробку, туда же отправляю ключ.

Благодарю водителя за то, что подвез. Захожу в отель и быстрым шагом пересекаю холл, захожу в лифт и поднимаюсь на свой этаж. Давненько меня тут не было.

Прохожу в свои апартаменты, включаю везде свет. Иду в кабинет и убираю коробку в ящик под столом. Тут же наливаю себе виски и сажусь в кресло.

Кручусь на нем, поворачиваюсь лицом к панорамному окну, за которым виден город, думаю...

Выискиваю в интонациях Таи неискренность. Она знала, что я вернусь сегодня к восьми. Я писал ей в сообщении.

Глупо проделывать такое, зная, что я вот-вот вернусь домой. А Таисия не глупа. Наивна, неопытна — да, но она не дура.

Злость сходит, оставляя после себя выжженное поле эмоций.

Ей интересна моя прошлая жизнь — понятно.

Ей интересны причины, по которым я не хочу иметь детей, — тоже ясно.

Она чувствует себя неуютно в доме. Утрирует? Или это игра? Если да, то зачем?

Ее последняя фраза... о том, что я никогда не буду бороться за нее...

Буду. Она моя жена, конечно, буду.

Достаю из внутреннего кармана пиджака мобильник, набираю номер своего безопасника.

— Ваха, деликатное дело...

— Батыр Рашидович, сделаем все, что нужно.

— Можешь установить в моем доме камеры? Такие, чтобы были не видны невооруженным взглядом.

— Обижаете, — хмыкает он, — в лучшем виде сделаем!

Что нужно просматривать?

— Все...

Секундная заминка.

— Ванные и санузелы?..

— Все, Ваха.

Я параною? Поебать.

— Будет сделано. Можно вживую посмотреть дом? Нужно понимать объем работ, где и сколько камер установить, чтобы не осталось мертвых зон.

— Я пришлю тебе план дома с расстановкой мебели, схемами освещения, отопления и прочего.

— Этого будет достаточно.

— И, Ваха. Установите, когда я скажу. Выберу день, когда в доме никого не будет. О моем запросе никому. Все записи должны храниться только у меня.

— Конечно, Батыр Рашидович.

Отключаюсь, продолжаю медитировать, думать.

Я зол на Таю, да. За то, что все это за моей спиной. Я не прощаю предательства, а это очень похоже на него.

Тая звонит. Не беру трубку. Не могу слышать ее голос.
«Ложись спать, Таисия», — пишу ей.

Специально употребляю полное имя, «Тая» сейчас звучит слишком мягко.

«ОК», — прилетает в ответ.

Бросаю трубку на стол, психую. Так будет лучше, да. А завтра поговорим обо всем.

Снова звонит телефон, на экране номер моего охранника.
— Батыр Рашидович, к вам Анна. Впустить?

Глава 27

Батыр

— Батыр Рашидович, к вам Анна. Впустить?

— Впусти.

Может, ну его?

Просто забить хер на все!

У меня сейчас настолько неадекватное состояние, что я могу совершить какую-нибудь ошибку.

— Здравствуй, Батыр, — Анна проходит в кабинет.

— Привет.

На ней алое платье. Сексуальное. По фигуре. Грудь прикрыта, но ткань обтягивает ее так, что не оставляет простора для фантазии. Бедра тоже обтянуты, ткань струится до самого пола.

Видна стройная нога в высоком разрезе, высокие шпильки.

Анна вылизанная. Ухоженная.

Она живет здесь, в отеле. Когда-то давно я имел дела с ее отцом. Он в попытке породниться со мной арендовал для дочери номер в моем отеле. На два года.

Якобы под предлогом того, что это удобнее, чем платить за квартиру. Тут и убирают, и еду в номер заказать можно. А еще сдать вещи в химчистку, да и вообще что угодно можно.

С Анной мы сошлись неожиданно легко.

Столкнулись в лифте, потом перешли в бар, а после оказались в ее спальне.

Анна достаточно умна, чтобы не афишировать нашу связь, поэтому до какого-то момента меня все устраивало.

Девушка проходит по кабинету и садится в кресло напротив моего стола. Медленно, даже, я бы сказал, демонстративно закидывает ногу на ногу, показывая загорелую блестящую кожу.

— Увидела тебя в холле и решила, что будет здорово зайти и поздороваться, — улыбается уголками губ.

— Поздоровалась? — дергаю бровью.

— Я соскучилась, Батыр, — произносит на выдохе.

Глаза у нее тут же становятся печальными, чуть ли не блестеть слезами начинают. Ты давай мне поплачь еще тут.

— Разве ты скучала? — усмехаюсь.

Мои люди не следят за Анной, нахрен надо. Она мне неинтересна. Пусть делает что хочет. И я больше чем уверен, что последние месяцы она не сидела затворницей в своем номере.

— Конечно скучала, Бат. Ты исчез практически сразу после того, как женился. На звонки не отвечал, сообщения игнорировал. Разве можно так с женщиной? — возмущается почти натурально.

— Как — так, Анна? — спрашиваю удивленно. — Я едва ли не сразу сказал тебе, что наша связь в дальнейшем невозможна. Что же тебе не нравится? Я был честен с тобой, когда

не обещал продолжения. Ты прекрасно знала мое отношение ко всему этому.

— Да, конечно, Батыр, — Анна улыбается, но ее улыбка неискренна, даже болезненна. — В качестве секс-игрушки я была идеальной для тебя, но в качестве твоей спутницы не дотягиваю, да?

— Секс-игрушка не получает удовольствия. Разве ты мучилась рядом со мной? Мне казалось, удовольствие ты получала не меньше меня.

— Вот именно! — подается вперед и поднимается.

Медленно, ведя пальцами по столешнице, идет ко мне.

— Вот именно, Батыр. Оттого мне и печально. Я скучаю по тебе. Мне не хватает тебя.

Кладет руки на мои плечи, принимается их массировать.

— Неужели твоя маленькая жена в состоянии доставить тебе должного удовольствия? — наклоняется ниже, касается губами уха. — Я зна-аю. Знаю все о твоих предпочтениях и фантазиях. Разве неумелая девственница может заменить меня?

Сжимает пальцы на моих плечах, и я перехватываю ее за руку, дергаю в сторону. Анна спотыкается, запутавшись в платье, и едва не падает, но успевает ухватиться рукой за стол.

Я кладу руку на шею девушке и тяну на себя. Мы сейчас лицом к лицу.

— Ань... еще раз поднимаешь тему моей жены, и я вы-

швырну тебя отсюда. Не смей даже рот свой открывать по поводу моей жены.

— Н-но, Батыр... я не то имела в виду... — произносит испуганно.

— Ты имела в виду именно то, что сказала. Тема моей жены для тебя табу — запомни. Узнаю, что ты обсуждала ее с кем-то... пожалеешь, Аня.

Отпускаю руку, и она тут же принимается растирать шею, смотрит на меня испуганно.

Я никогда не выясняю отношения с женщинами, но если я не заткну Анну, то этого не сделает никто.

— Поняла, Анна?

— Поняла-поняла, Батыр. Прости, — осознав, что со мной бесполезно воевать, потому что себе дороже, замолкает.

Остается стоять, смотрит на меня растерянno.

— Что-то еще? — спрашиваю спокойно.

— И что, это все? — задает вопрос недоуменно.

— Да, Аня. Я сказал об этом тебе давно. Жаль, что ты не поняла с первого раза.

Я разорвал связь с этой женщиной практически сразу после того, как понял, что эта самая связь неуместна. У меня появилась жена, новый статус. Тем более мой брак, казавшийся навязанным, практически сразу заиграл новыми красками. Из-за Таи, конечно.

Она что-то затронула во мне. Я и забыл, что у меня есть

эти чувства.

— Хорошо, Батыр. Я все поняла. Больше не побеспокою тебя.

Не прощаясь Анна уходит, а я снова отворачиваюсь к окну и смотрю на свое заебанное отражение.

Хоть с одной разобрался...

Глава 28

Тая

Мне чертовски обидно за себя.

Я не виновата ни в чем. Любой нормальный человек вошел бы в эту комнату, окажись в моей ситуации.

Как только теперь доказать, что случившееся не было моей инициативой?

Сомнений нет — это дело рук Татьяны. Кого же еще? Мустафа вообще безобидный старик, большинство времени проводит в саду, он не будет заниматься интригами, а вот женщина, которая столько лет живет бок о бок с холостым одиноким Батыром, — вполне.

Мотив?

Да он прост как пять копеек.

Вытурить меня, желательно пинком под зад. С фанфарами и прилюдным скандалом! И занять мое место. Надо сказать, Татьяна уверенно следует к своей цели. Молодец. Это ее территория, да и чего уж тут, моего мужа она знает лучше, чем я.

Переступая через гордость, я пишу сообщение Батыру. Нажимая «отправить», практически ненавижу себя за эту слабость. А получив ответ, ненавижу уже его.

За то, что так легко отказался от меня. За то, что вместо того, чтобы разобраться, казнил, даже не вникнув в ситуа-

цию.

Бросаю ему холодное «ОК» в сообщении.

По-детски? Наверное.

Дома мама снова укоризненно посмотрела на меня и сказала, что я глупая. Что с мужчиной надо иначе. Лаской и нежной улыбкой. Подмазаться и ластиться пушистой кошечкой, будто виновата в чем-то.

— А я не виновата ни в чем! Ясно тебе? — произношу громко.

Это глупо и тоже по-детски. Никто не услышит меня, если только Татьяна не стоит со стаканом у двери.

Ухожу в ванную комнату. Становлюсь напротив зеркала, смотрю на свое отражение.

— Кошмар, — вздыхаю, глядя на то, как опухло лицо.

Когда Батыр ушел, я рыдала. Конечно, рыдала, что ж еще мне делать?

А потом все как-то резко перегорело. Нет? Ну и не надо!

Включаю холодную воду, умываюсь. Скулы аж сводит от температуры воды. Кожа у меня не привыкшая к такому.

Зачесываю волосы наверх, собираю их в хвост, переодеваюсь в домашнюю одежду и выхожу из спальни.

Подсознательно у меня подгорает, очень хочется встретиться с Татьяной и оттащить ту за волосы. Сейчас она более сильная соперница для меня, чем любовница, которой давно нет в нашей жизни.

Слышу возню на кухне, и у меня аж поднимается давле-

ние. Кровь заливает глаза.

Жесть...

В таком состоянии совершаются необдуманные поступки. А потом люди сидят перед следователями и рассказывают, как в порыве гнева зарезали соседа, который громко слушал музыку.

Но у меня бомбит, и я мчусь, даже не думая о последствиях своих действий.

Как сумасшедшая влетаю в кухню.

Мустафа, увидев меня, громко охает и роняет на пол пугающую чашку с чаем, хватается за сердце.

— Ох, Аллах! Тая!

Ненависть резко перегорает, даже стыдно становится за свое поведение и за то, что я несобрана и уязвима.

— Мустафа, простите. Я не хотела вас напугать, — извиняюсь покаянно.

Тут же спешу собрать осколки. Сажусь на корточки, принимаюсь за разбитую чашку.

Мустафа, кряхтя, пытается мне помочь.

— Давай я сам, дочка, — произносит по-отечески тепло и смотрит на меня как-то виновато.

Мне кажется, он слышал нашу с Батыром ссору. А если не слышал, то понял все. Умаров улетел из дома, как будто за ним гнались тысячи чертей.

— Мустафа, не надо, пожалуйста. Это моя вина, — он пожилой, видно, что ему тяжело передвигаться. — Присядьте,

я сделаю вам новый чай.

— Где же это видано, чтобы хозяйка подавала чай прислуге?! — усмехается беззлобно, но все же садится, видимо, понимает, что проку от него в ползаньи по полу никакого.

— У хозяйки, которая уважает своих работников, — парирую и улыбаюсь ему.

Мустафа хороший мужчина. За несколько месяцев, что мы сталкиваемся на территории этого дома, он никак не оскорбил меня и не обидел.

Мне кажется, Батыр для него больше чем работодатель. Тут даже присутствуют некая отеческая любовь и забота.

Собираю осколки, выбрасываю их в корзину для мусора, туда же отправляю чайный пакетик, тряпкой вытираю пролитый чай.

— Мустафа, а хотите, я заварю вам свой любимый травяной чай? С медом? Он успокаивает и просто приятный на вкус.

— Спасибо, Тая, я бы с удовольствием попробовал, — отвечает, улыбаясь.

Я принимаюсь за дело. Достаю пузатый чайник, вновь ставлю воду на огонь, вытаскиваю кружки.

— Вы вырастили красивые розы, — решаю завести светский разговор. — Давно хотела вам сказать.

Знаю, что садом занимаются специальные люди, но есть участок, где цветы выращивает Мустафа.

— Спасибо, Таюша. Мне это доставляет огромное удо-

вольствие. И успокаивает.

— Скажите, а вы давно работаете на Батыра?

— Давно. Даже и не вспомню, сколько точно. Пришел, когда Батыр подростком был, да так и остался.

— И жену его помните? — ну а что? Уже все.

Я, разумеется, виновата во всех грехах, хуже не будет.

Мустафа не тушует, но слова подбирает:

— Помню конечно. Гуля была хорошей женщиной, но путь ее оказался короток.

— Как она умерла? — я стою к Мустафе спиной специально.

Не хочу, чтобы он видел мой неумный интерес к этой теме.

— Тут я тебе ничего не могу сказать, Тая, — вздыхает удрученно. — И не спрашивай больше ни у кого. Только у Батыра. Ведь это его история, и лучше него никто не расскажет. Потому что не имеет права.

— Они любили друг друга?

— Да, Тая. Любили.

Киваю, сцепив зубы. Это больно слышать, очень.

— С тобой он другой.

— Что? — от неожиданности даже оборачиваюсь, а Мустафа, увидев мою реакцию, улыбается.

— Он много лет был один. Соблюдал траур. Не подпускал к себе никого. Когда появилась ты, он ожил. Снова начал улыбаться, злиться, восхищаться и получать удовольствие от

жизни. Что-то чувствовать, двигаться. Мне кажется, с тобой он впервые начал улыбаться, Тая... До этого как призрак ходил.

Приятно это слышать? Конечно. Верится ли в это? С трудом.

— Наверняка вы преувеличиваете, Мустафа, — устало улыбаюсь и разливаю чай по кружкам.

— Я слишком стар, чтобы преувеличивать, лгать или юлить. Поэтому говорю как есть. А вот верить или нет — это уже по твоей части.

— А его жена?.. — не решаюсь задать вопрос о том, каким Батыр был с ней.

— А его жена умерла так давно, что остались только обрывки воспоминаний, Тая, — говорит Мустафа проникновенно. — И мой тебе совет: хватит сравнивать себя с женщиной, которой нет в живых десять лет. Ты другая. Решительная, даже дерзкая. Выводишь его на эмоции, не подстраиваешься под него. Заставляешь злиться, ревновать.

— Это хорошо? — выгибаю бровь.

— Кто ж знает, — смеется добродушно. — Уж точно не плохо. А ты на Батыра не сердись. Он не привык, что что-то может идти не по его. Остынет и вернется.

«Главное, чтобы он в постели с другой женщиной не остывал», — ловлю себя на мерзкой мысли.

Болтаем с Мустафой еще некоторое время, пьем чай. Я пытаюсь выяснить, видел ли он сегодня Татьяну, но мужчи-

на отвечает, что она с утра отпросилась, якобы по каким-то важным делам, и он ее целый день не видел.

Прямо привидение пришло и открыло дверь. Ага.

Желаю мужчине спокойной ночи, а сама иду спать. Не знаю почему, но после разговора с ним становится легче. Второе дыхание открывается.

Сплю спокойно, а утром долго вожусь перед зеркалом. Старательно вывожу стрелки, крашу тушью ресницы, укладываю брови.

Надеваю широкие шерстяные брюки, объемный свитер, ботиночки на каблуке. Волосы волной оставляю лежать на плечах. Улыбаюсь сама себе.

Решительно выхожу из спальни и спускаюсь на первый этаж, специально громко топая. Я не собираюсь ходить крадучись в собственном доме.

Татьяна на кухне. Увидев меня, оборачивается.

— Таисия Маратовна, доброе утро. Я приготовила для вас фруктовый салат и овсяную кашу. Сейчас накрою в столовой.

Внешне все точно так же, как и раньше. В ее поведении ничего не поменялось. Непроницаемое выражение лица, ровный голос.

— Накрой, Таня. Накрой... и поесть не забудь. А еще можешь пойти в нашу с Батыром спальню и подождать его там. Прямо в кровати. Ты же этого добиваешься?

Ее вежливая улыбка дергается.

— Я... не понимаю.

Склоняю голову набок, тоже улыбаюсь ей.

— Хорошая работа, Таня. Молодец.

— Что-то не так? — она моргает быстро-быстро.

— О, все так, — киваю, теперь уже улыбаясь по-садитски. — Все так, как ты и планировала. Ты ешь-ешь. Чувствуй себя хозяйкой, Таня.

Ухожу из дома поспешно.

Я паранойю, да. Но есть ее еду я не хочу. Мало ли...

Глава 29

Тая

— Ахмад, ты свободен. Пары закончатся около двух, но я еще зайду в библиотеку. В общем, позвоню тебе, когда нужно будет меня забрать.

— Конечно, Таисия Маратовна.

Слава Аллаху, этот бугай не таскается за мной по пятам.

В универском кафе покупаю кофе и сэндвич с курицей.

Лучше буду питаться тут, чем дома. Не хочу есть из рук Татьяны.

От Батыра — ничего.

Волнует ли это меня? Я совру, если скажу, что нет. Конечно, волнует. Но первый шаг я сделала вчера, второй шаг в этой ситуации уже бессмысленен.

— О, Таюшка, привет! — ко мне подходит Настя, наша староста, и чмокает меня в щеку.

— Привет, Настя, — проглатываю кусок, запиваю его кофе.

— Позавтракать не успела, да? — понимающе спрашивает девушка.

— Ага. — Не рассказывать же ей истинные причины?

— Да, я тебя понимаю. Сама сегодня еле-еле поднялась с кровати. Если бы соседка по комнате не врубила фен, наверное, проспала бы первую пару. Бутерброд в себя засовывала

уже на бегу.

Настя приезжая и живет в общежитии с девочкой из другого потока.

— Таюш, а ты чего такая загорелая, на море была?

Мне неловко рассказывать о том, что летом я отдыхала на Мальдивах, потому что знаю — для некоторых это что-то из области фантастики, поэтому с этим тоже не вдаюсь в подробности.

— Да, ездили с мужем на несколько дней, — отвечаю обтекаемо.

— С... мужем? — Настя округляет глаза.

Ох, черт... никто ж не знает.

— Да, — отвечаю, немного нервничая, и начинаю тараторить: — У меня, кстати, фамилия теперь другая. Я взяла документы, хочу сегодня зайти к секретарю и оставить их, чтобы поменяли во всех документах и ведомостях.

— Вот это да, Таюш! А как так вышло? Я и не знала, что ты встречалась с кем-то!

Момент, что замуж должна была выйти моя сестра, опускаю. Мне кажется, у Насти волосы на голове зашевелиятся от этой информации.

— Мы не встречались, Насть, — пожимаю плечами. — У нас... так бывает, понимаешь? Родители подбирают мужа и жену... ну вот.

Староста краснеет и начинает озираться по сторонам.

— Да, извини. Просто это все очень далеко от моего по-

нимания.

— Я знаю, — улыбаюсь ей.

— Так и что... — Настя мнется, — муж хороший у тебя?

— Хороший, — отвечаю тут же.

— Ну это здорово. Ладно, побежали на пары!

Недоеденный сэндвич отправляется в урну, кофе позволяет брать с собой, что я и делаю.

Начинается активный учебный день.

После первой пары мне становится нехорошо, и в перерыве я сбегаю в туалет.

Мутит.

Разглядываю себя в зеркале. Кожа бледная, губы сухие.

Голова кружится.

— О, Таюш и ты тут! — Настя заходит в туалет.

В этот момент я все-таки срываюсь в кабинку, где меня выворачивает несколько раз.

Когда я выхожу, Настя смотрит на меня с сочувствием, протягивает маленькую бутылку воды.

— Держи. Она закрыта.

— Спасибо, — принимаю с благодарностью.

Полощу рот, брызгаю на щеки холодной водой.

Итак. Вот мы здесь. Что дальше, Тая?

— Надо же! И когда сэндвичи испортиться успели?! Сегодня ж первый день!

— Насть... это не сэндвичи, — поднимаю на нее взгляд.

— Оу... Ох ты ж! — открывает и закрывает рот. — Э-э...

поздравляю?

— Спасибо, — отвечаю тихо.

Настя неловко переминается с ноги на ногу.

— Я могу тебе чем-то помочь?

— Нет.

Чем уж тут поможешь?

Как досиживаю пары — сама не знаю.

Как только заканчивается последняя, бегу в аптеку и за наличку покупаю тест на беременность, возвращаюсь в университет, иду в туалет.

Закрываюсь в кабинке, принимаюсь читать инструкцию и понимаю, что сделать сейчас тест не получится. Выкидываю коробку, решая сделать тест завтра утром. Тем более что так будет правильнее.

Иду в библиотеку, хотя ее посещение уже не имеет никакого смысла. Я дезориентирована и, чего уж греха таить, напугана.

В здании библиотеки тупо отсиживаюсь, потом пишу сообщение Ахмеду, прошу его забрать меня.

От Батыра тишина....

Через двадцать минут выхожу на улицу, направляюсь к университетской парковке. Глазами выискиваю машину водителя, но нахожу другую...

— Здравствуй, Тая, — произносит спокойно Батыр.

Подхожу близко, сглатываю нервный ком.

— Привет, Батыр. Почему ты приехал? — пожалуйста,

скажи что скучал. Что понял произошедшее и веришь мне. Что сделаешь все возможное, чтобы у нас дальше все было хорошо.

— Захотелось встретить тебя, — протягивает руку и убирает прядь волос, заправляет ее за ухо.

Прикрываю глаза от облегчения. От того, как хорошо становится из-за этого легкого касания. Непроизвольно делаю шаг вперед, и Батыр тут же подхватывает меня.

Прижимает к себе так сильно, что даже от земли отрывает. Счастливо смеюсь ему в шею, оплетаю руками плечи.

— Я скучал, Тай, — говорит тихо.

— И я, Батыр, — трусь носом о него, хлюпаю носом.

— Ты чего? — опускает меня, заглядывает в глаза.

— Это от счастья, — отвечаю сдавленно.

— От счастья — это хорошо, — кивает, тоже улыбаясь.

— Поехали поужинаем, Тай?

— В ресторан?

— Да.

— С удовольствием.

Лишь бы не домой.

Глава 30

Батыр

Весь день я чувствую беспокойство. Мне хреново из-за разлада с Таей.

Ахмед отчитывается, что отвез мою жену в университет, а я плотно приступил к идее напичкать дом камерами.

Весь персонал я отправил с поручениями, чтобы освободить помещения. Остались только охранники на входе.

— Батыр Рашидович, так что вы решили? Камеры устанавливаем везде, да? — спрашивает Ваха, проходя по гостиной в моем доме и рассматривая, куда бы приткнуть очередную камеру.

— Да. Везде, Ваха.

Я понимаю, что это странное желание. Но на войне, как говорится, все средства хороши.

— Будет сделано, — кивает и продолжает работу.

Двое его парней работают в других комнатах. За пару часов они справляются и принимаются настраивать оборудование.

Еще через два часа у меня на смартфоне установлена программа, через которую я вижу изображение со всех камер.

— Спасибо, парни.

— Если что-то будет нужно еще, звоните, — жмем друг другу руки, и я еду за Таей.

Соскучился по ней пиздец как.

Сам не понял, в какой момент она настолько глубоко проникла в меня, что я, не видя ее чуть меньше суток, готов скулить от тоски.

Еду в универ. Покупаю цветы, бросаю их на заднее сиденье, а сам принимаюсь ждать свою жену.

Она появляется около четырех вечера. Выходит из тени деревьев и, видя меня, нерешительно подходит ближе.

А я все... до глубины души...

Как такое произошло? Когда успел-то поплыть, черт...

И Тая, она... тянется. А объятия с ней — это вообще за гранью. Дышу ею, ловя кайф от такого простого контакта.

Открываю дверь, помогаю устроиться на заднем сиденье, сам обхожу машину, сажусь за руль.

— Это тебе, — протягиваю ей букет роз.

— Правда? — улыбается несмело, ныряя носом в бутоны.

— Спасибо, Батыр.

Смотрит на меня с нежностью, а я все больше понимаю, какой я дебил, что вчера закончил все вот так.

Едем в ресторан, заказываем ужин. Тая поднимает на меня несмелый взгляд.

— Прости меня, — говорю уверенно. — За то, что нагрубил, не выслушал. За то, что не поверил.

Кивает. Принимается теревить уголок салфетки.

— Мы что-то будем делать с этим? — спрашивает тихо.

— Обязательно. Тая... мне сложно об этом говорить, но

я понял, что упустил этот момент. Когда-то давно я любил жену, да. Она ушла, и мне... потребовалось время, чтобы пережить потерю. Сейчас... — я поднимаю глаза и смотрю уверенно в глаза Таи. — Сейчас все это в прошлом. В моем настоящем ты. Я думаю о тебе постоянно. Ежедневно. Сама того не понимая, ты привязала меня к себе. И нет, Тая. Ты не мой придаток. Ты самая близкая, моя жена. Мой тыл.

Расстегиваю верхние пуговицы на рубашке, потому что становится сложно говорить.

— Та комната... у нас с Гульнар должен был родиться ребенок. Мы готовились и ждали его. Потом... так сложились обстоятельства, что он не родился.

Замолкаю. Больше ничего выдать из себя я просто не могу...

Тая кивает, принимая.

— Что с Татьяной, Батыр? — спрашивает тихо.

— Дашь мне время? Я не хочу рубить сгоряча, но тебя я услышал.

— Понятно, — кивает снисходительно.

Больше эту тему мы не поднимаем. Тая видит, что открыться мне стоило многого, поэтому с вопросами не насеждает. Общаемся спокойно. Домой едем, держась за руки. Переплетаем пальцы и ловим взгляды друг друга.

В дом заходим вместе. Татьяны нигде нет, и это хорошо. Сейчас я хочу побыть вдвоем со своей женой.

За закрытыми дверями спальни я зацеловываю каждый

сантиметр кожи Таи. Она отвечает с жаром, секс очень чувственный. Правду говорят, что секс после ссоры самый жаркий.

Засыпаем в объятиях друг друга. Утром Тая решительно отправляет Татьяну из кухни.

— Ваша помощь не потребуется. На сегодня вы свободны,
— произносит Тая решительно.

— Но... как же?! Батыр Рашидович?.. — Татьяна бросает на меня растерянный взгляд.

— Что, Татьяна? — выгибаю бровь. — Вам уже все сказала Таисия.

Домработница уходит, растерянно смотря по сторонам.

А мы с Таей повторяем ночную близость. Прямо на кухне. Кайфуем друг от друга.

Днем не могу перестать думать о Тае, поэтому открываю приложение с камер, чтобы полюбоваться на нее, запоздало вспоминая, что Тая уехала на учебу.

Взгляд выхватывает Татьяну, которая заходит в нашу с женой спальню. И делает она это, надо сказать, решительно.

Напрягаюсь, переключая камеры.

Минуя саму спальню, Татьяна заходит в гардероб, ставит лестницу и тянет руки именно туда, где стояла коробка с фото Гули.

Рыщет там.

Не находит.

Принимается шмонать наши вещи. После заходит в ван-

ную, просматривает все там.

Когда Татьяна лезет в корзину с мусором, у меня подкапывает ярость.

Значит, паранойя была не зря.

Татьяна достает из мусора сверток из туалетной бумаги. Слой за слоем разворачивает его. Ей на руку падает маленькая полоска, похожая на тест на беременность...

Дорогие читатели, добро пожаловать в новую переживательную историю Бывшие. Соври, что любишь.

<https://litnet.com/shrt/tQay>

— Твой сын пытался избить моего, — произносит Максим холодно.

— Леша не стал бы бить, если бы его не спровоцировали,
— заступаюсь за сына.

— Со своим ребенком я разберусь сам, — чеканит каждое слово. — А ты разберись со своим.

Проглатываю. Все проглатываю, а в голове набатом:

«Твоим сыном! Твоим сыном. Лешка и твой сын тоже!»

Но тебе ведь нет никакого дела до этого, да?

Добивает меня:

— Я не хочу, чтобы у моего ребенка были проблемы из-

за твоего.

Нашего, Максим, нашего...

.

Глава 31

Тая

Едва за Батыром закрывается дверь, я бегу в ванную комнату, чтобы сделать тест на беременность, хотя чувствую, что он будет положительный.

Задержка несколько дней, грудь начала болеть, да и тошнота появилась.

Делаю нужные процедуры, чтобы увидеть на тесте две полоски.

Неожиданно накатывает паника и осознание, что Батыр меня убьет, когда узнает.

Выбрасывать тест небезопасно, поэтому я закручиваю его в несколько слоев туалетной бумаги. Не будет же кто-то рыться в мусоре?

На нервах уезжаю в универ. Страшно — жуть.

Возвратившись домой, переодеваюсь и принимаюсь ходить из угла в угол. Как рассказать обо всем Батыру?

Слышу, как с грохотом захлопывается входная дверь, и спешу вниз, даже с лестницы слыша монолог Татьяны.

— Батыр Рашидович, поздравляю вас! — эта тварь протягивает моему мужу тест на беременность. — Сегодня выносила мусор, и тест вывалился из пакета.

Стреляет в меня глазами.

Вот же сука.

Наверняка Татьяна знает о нежелании Батыра иметь детей, подслушивала — я уверена в этом.

Батыр звереет.

— Пошла вон! — рывкает на Татьяну так громко, что я дергаюсь.

— Батыр... Раш...

— Нахуй пошла отсюда! — нависает над ней.

Татьяна неглупа, поэтому быстро сбегает, оставляя меня один на один с разъяренным мужем.

Батыр проходит в гостиную. Тяжелый шаг отдается от стен зловещим эхом.

— Ты не выпила тогда таблетку, да? — спрашивает, повернувшись спиной ко мне и глядя в окно.

Я остаюсь стоять там, где стояла. От греха подальше.

— Выпила, — выдавливаю из себя.

Батыр резко оборачивается ко мне.

— А потом меня тошнило. В общем, скорее всего, когда меня вырвало, она...

— Мне сказать ума не хватило?

Ранит. Причиняет боль.

Поднимаю подбородок.

— Нет, — произношу твердо. — Я подумала, что если ребенок появится, значит, это воля Аллаха.

— Ребенок не появится, Тая, — Батыр произносит эти слова с могильным холодом. — Потому что завтра же я отвезу тебя на аборт.

Глава 32

Тая

— Ты с ума сошел, Батыр? — у меня дрожит голос.

Инстинктивно я отступаю на шаг назад и прикрываю руками живот.

Умаров видит это жест, поднимает лицо к потолку, и его накрывает. Он ревет как зверь. С рыком сталкивает со столика у дивана вазу с вчерашними розами.

Как капли крови, они рассыпаются по полу, роняя листья.

— Я же говорил тебе, Тая, что не хочу детей, — произносит Батыр вкрадчиво и надвигается на меня.

Подходит ближе шаг за шагом, а я отступаю, пока, наконец, не упираюсь спиной о стену.

Путей отхода больше нет...

— Я же просил, Тая... просил.

— Да ни о чем ты не просил! — не выдерживаю, бью его кулаком в грудь. — Ты только отдавал приказы! Ты ни о чем не спрашивал меня, просто поставил перед фактом и сунул в руки гребаную таблетку!

— А ты своей маленькой головкой не могла подумать о том, что если я так сделал, значит, есть причина?! — кричит на меня.

— А ты своей большой головой не мог подумать о том, что я ни черта не знаю и не понимаю! Не возникло хоть на

секунду мысли о том, чтобы рассказать мне, почему же ты не хочешь детей?! В твоей большой башке появилась хоть одна мысль о том, что я в этом выборе тоже, в общем-то, должна участвовать?

Ударяю его еще раз и ныряю под его рукой, отхожу в сторону, поворачиваюсь резко, из глаз у меня льются слезы.

— Я не обманула тебя, Батыр! Ты сказал выпить, я выпила!

Умаров бьет кулаком в стену, ноздри раздуваются от злости. Он замирает, медленно и шумно выдыхает и выравнивается.

— Так, Таисия. Уже неважно. Мы исправим данное недоразумение завтра же.

Внутри все до боли сжимается, мне кажется, даже живот начинает тянуть.

— Это не недоразумение, — я не могу поверить, что он сказал это вслух. — Это наш с тобой ребенок. Сын или дочь. А может,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.